

ЭРИХ МАРИЯ
РЕМАРК

✧
Возлюби ближнего своего
✧

✧ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✧

Зарубежная классика (АСТ)

Эрих Мария Ремарк

Возлюби ближнего своего

«АСТ»

1941

УДК 821.112.2-31
ББК 84 (4Гем)-44

Ремарк Э.

Возлюби ближнего своего / Э. Ремарк — «АСТ»,
1941 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-070192-6

В Библии сказано: «Возлюби ближнего своего». Но — как возлюбить ближнего своего, если ближние твои желают лишь схватить тебя и убить? Ты бежишь от смерти, ставшей реальностью, от ада страшных гетто, от безнадежности — к надежде... Но надежда может обмануть. И тогда — «плачьте не об ушедших, а об оставшихся...».

УДК 821.112.2-31
ББК 84 (4Гем)-44

ISBN 978-5-17-070192-6

© Ремарк Э., 1941
© АСТ, 1941

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	17
III	25
IV	38
V	47
VI	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Эрих Мария Ремарк

Возлюби ближнего своего

Erich Maria Remarque

LIEBE DEINEN NACHSTEN

Перевод с немецкого И. Шрайбера

Печатается с разрешения литературных агентств Mohrbooks AG Literary Agency и
Synopsis.

© The Estate of the late Paulette Remarque, 1941

© Перевод. И. Шрайбер, наследники, 2009

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Часть первая

I

Керн резко привстал на постели, вырываясь из черного, сумбурного сна, и прислушался. Как все гонимые и затравленные, он мгновенно очнулся, напряженный и готовый к бегству. Наклонив вперед худощавое тело, он сидел неподвижно, прикидывая, как бы улизнуть, если на лестнице уже появились полицейские.

Он жил на пятом этаже. Окно комнаты выходило во двор, но не было ни балкона, ни карниза, чтобы добраться до водосточной трубы. Значит, бежать через двор невозможно. Оставался единственный путь: пройти по коридору к чердаку, а оттуда по крыше к соседнему дому.

Керн взглянул на светящийся циферблат своих часов. Начало шестого. В комнате было почти совсем темно. На двух других кроватях едва обозначились простыни, серые и расплывчатые. Поляк, спавший у стены, храпел.

Керн осторожно соскользнул с постели и бесшумно подошел к двери. В ту же секунду мужчина, лежавший на средней кровати, шевельнулся.

– Что-нибудь случилось? – прошептал он.

Керн не ответил. Он плотно прижался ухом к двери.

Его сосед приподнялся и пошарил в карманах одежды, висевшей на железной спинке кровати. Вспыхнул луч карманного фонарика. Бледный, дрожащий световой круг вырвал из темноты коричневую дверь с облупившейся краской и прильнувшую к замочной скважине фигуру Керна в помятом белье и с растрепанными волосами.

– Да скажи же, в чем дело, черт возьми! – прошипел человек на кровати.

Керн выпрямился.

– Не знаю. Я проснулся, мне что-то послышалось.

– Что-то! Но что же именно, болван?

– Какой-то шум внизу... Голоса, шаги, сам не знаю...

Мужчина встал и подошел к двери. На нем была желтоватая рубашка; в свете фонаря виднелись волосатые, мускулистые ноги. С минуту он вслушивался.

– Ты здесь давно живешь? – спросил он.

– Два месяца.

– Облавы были?

Керн отрицательно покачал головой.

– Ну вот. Значит, померещилось тебе. Иной раз услышишь во сне неприличный звук, а чудится – гром гремит.

Он осветил Керну в лицо.

– Так и думал. Двадцать лет, не больше, верно? Эмигрант?

– Конечно.

– Jezus Christus. Co sie stalo?...¹ – внезапно забормотал поляк в углу.

Человек в рубашке направил на него фонарик. Из темноты выплыла свалывшаяся черная борода, широко открытый рот и большие глаза под кустистыми бровями.

– Эй ты, поляк! Заткнись-ка со своим Иисусом Христом, – пробурчал мужчина с фонариком.

– Его уже нет в живых. Пошел добровольцем на фронт и пал в боях на Сомме.

¹ Иисус Христос. Что случилось?.., (польск.)

– Со?²

– Вот опять! – Керн подскочил к кровати. – Они поднимаются вверх! Надо удирать через крышу!

Поляк рывком повернулся на постели. Слышались приглушенные голоса. Хлопали двери.

– Дело дрянь! Тикаем, поляк! Тикаем! Полиция!

Сосед Керна сорвал одежду с кровати.

– А ты знаешь куда? – спросил он Керна.

– Знаю. Направо по коридору! А потом вверх по лестнице, за умывальником!

– Живо!

Мужчина в рубашке бесшумно открыл дверь.

– Matka Boska³, – пробормотал поляк.

– Заткнись! Нас услышат!

Он притворил дверь и вместе с Керном засеменил по узкому грязному коридору. Они шли так тихо, что слышали звук капель, падавших в раковину из неплотно прикрученного крана.

– Здесь повернем! – прошептал Керн, обогнул угол и наткнулся на кого-то. Он покачнулся, разглядел мундир и хотел было податься назад, но в ту же секунду почувствовал сильный удар по руке.

– Стоять! Руки вверх! – скомандовал кто-то в темноте.

Керн уронил одежду. Левая рука онемела от удара. На мгновение ему показалось, что мужчина в рубашке вот-вот набросится на полицейского. Затем, увидев дуло револьвера, который второй полицейский приставил к его груди, медленно поднял руки.

– Кругом! – скомандовал голос. – Стать к окну!

Оба повиновались.

– Посмотри-ка, что у них в карманах, – сказал полицейский с револьвером.

Его напарник начал рыться в валявшейся на полу одежде.

– Тридцать пять шиллингов... карманный фонарик... трубка... перочинный нож... расческа – вшей вычесывать... Больше ничего нет...

– документы?

– Несколько писем или что-то в этом роде...

– Паспорта?

– Нет...

– Где ваши паспорта? – спросил полицейский с револьвером.

– У меня нет паспорта, – ответил Керн.

– Само собой! – Полицейский ткнул револьвером в спину другого беглеца. – А ты? Тебя что, надо спрашивать особо, выблядок ты этакий?

Полицейские посмотрели друг на друга. Тот, что был без револьвера, рассмеялся. Другой полицейский облизнул губы.

– Нет, ты погляди-ка, какой благородный господин! – медленно проговорил он. – Его превосходительство бродяга! Генерал вонючка!

Вдруг он размахнулся и ударил соседа Керна кулаком в подбородок. Тот едва устоял на ногах.

– Руки вверх! – рявкнул полицейский.

Беглец с яростью посмотрел на него. Керн подумал, что никогда еще не видел такого взгляда.

² Что? (польск.)

³ Матерь Божья (польск.).

– Это я тебя спрашиваю, сволочь! – сказал полицейский. – Долго я буду ждать? Или мне еще разок долбануть тебя по мозгам?

– Нет у меня паспорта.

– Нет у меня паспорта! – передразнил его полицейский. – Разумеется! У господина выблядка, видите ли, нет паспорта. Это можно было предположить! А теперь оденьтесь! Только живо!

По коридору бежала группа полицейских. Они шумно распаховали двери.

Подошел молодой офицер в кителе с погонами.

– Что у вас тут?

– Да вот – две птички. Хотели выпорхнуть на крышу и дать деру.

Офицер разглядывал обоих задержанных. У него было узкое бледное лицо с тщательно подкрученными, надушенными усиками. Керн ощутил запах одеколона «4711». Он разбирался в таких вещах. Когда-то у его отца была парфюмерная лаборатория.

– С этими двумя поговорим особо, – сказал офицер. – Надеть наручники!

– Разве венской полиции разрешается драться при арестах? – спросил мужчина в рубашке.

Офицер взглянул на него.

– Как вас зовут?

– Штайнер. Йозеф Штайнер.

– Сам без паспорта, а чуть было не набросился на нас, – сказал полицейский с револьвером.

– Венской полиции разрешается гораздо больше, чем вы думаете, – отрезал офицер. – Марш вниз!

Полицейский достал наручники.

– А ну-ка, миленькие мои! Вот так! Теперь вы выглядите намного лучше. Железки как по мерке сделаны!

Керн ощутил на запястьях холодок стали. Его сковали впервые в жизни. Стальные кольца не мешали ходить, но казалось, они сковывают не только руки, но и что-то более важное.

Начало светать. К дому подъехали две полицейские машины. Штайнер скорчил гримасу.

– Похороны по первому разряду! Довольно благородно. Правда?

Керн не ответил. Он пытался скрыть наручники под рукавами пиджака. Несколько возчиков стояли у молочных фургонов и с любопытством глазели. Окна в домах напротив были открыты. В темных отверстиях мерцали лица, похожие на расплывшееся тесто. Какая-то женщина хихикала.

К машинам – открытым полицейским фургонам подвели около тридцати арестованных. Большинство из них поднималось в кузова молча. Среди задержанных была и владелица дома, полная блондинка лет пятидесяти. Только она возбужденно протестовала. Несколько месяцев назад, затратив ничтожные средства, хозяйка переоборудовала два пустующих этажа полуразвалившегося дома под своего рода пансион. Вскоре пошли слухи, что у нее можно ночевать «по-черному», не регистрируясь в полиции. У хозяйки было только четыре настоящих жилья с полицейской пропиской – нищий, специалист по уничтожению насекомых и две проститутки. Остальные приходили вечером, после наступления темноты. Почти все они были эмигранты или беженцы из Германии, Польши, России и Италии...

– Живо! Живо! – прикрикнул офицер на хозяйку. – Все это вы объясните в участке. У вас будет достаточно времени.

– Я протестую! – кричала женщина.

– Можно протестовать сколько угодно. А пока что поедем.

Два полицейских подхватили ее под руки и посадили в кузов.

Офицер повернулся к Керну и Штайнеру.

– Так, а теперь вот этих. И не спускать с них глаз.
– Мерси, – сказал Штайнер и забрался в машину. Керн последовал за ним.
Грузовики тронулись.
– До свидания! – взвизгнул женский голос в окне.
– Измордовать всю эту эмигрантскую сволочь до смерти! – заорал им вслед какой-то мужчина. – Тогда сэкономите на кормежке...

Полицейские автомобили ехали довольно быстро – улицы были еще пусты. Небо за домами отступило, стало светлым, широким и прозрачно-голубым. Арестованные вырисовывались на машинах темными силуэтами, словно ивы под осенним дождем. Два полицейских уплетали бутерброды и пили кофе из плоских фляг.

Вблизи Аспернского моста из-за угла выскочил грузовичок с овощами. Обе полицейские машины притормозили и снова рванулись вперед. В этот момент один из арестованных, ехавший на задней машине, перемахнул через борт. Он упал на крыло, зацепился за него полкой пальто и грохнулся о мостовую.

– Остановить машину! Задержать! – крикнул старший. – Если побежит, стрелять!

Машина резко затормозила. Полицейские соскочили и побежали к месту, где упал человек. Шофер оглянулся. Убедившись, что арестованный не собирается бежать, он медленно подал машину назад.

Человек распластался на спине. Ударившись затылком о камни, он лежал в распахнутом пальто, широко раскинув руки и ноги, точно огромная летучая мышь, шмякнувшаяся оземь.

– Поднять его! – приказал офицер.

Полицейские склонились над пострадавшим. Затем один из них выпрямился.

– Видать, сломал себе что-то. Встать не может.

– Да может он встать! Поднимите его!

– Дайте ему хорошего пинка – сразу повеселеет, – вяло проговорил полицейский, который ударил Штайнера.

Человек стонал.

– Он действительно не может встать, – доложил второй полицейский. – Голова в крови.

– Проклятие! – офицер опустил на мостовую. – Не смей шевелиться! – крикнул он арестованным. – Сучья банда! Возись тут с ними!

Машина стояла теперь вплотную около пострадавшего. Керн хорошо видел его сверху. Он знал этого человека. То был чахлый польский еврей с жидкой седой бородкой. Несколько раз Керн ночевал с ним в одной комнате. Он ясно помнил, как по утрам, перекинув через плечи ритуальные ремни, старик стоял у окна и, тихо раскачиваясь, молился. Он торговал мотками пряжи, шнурками для ботинок и нитками. Уже трижды его высылали из Австрии.

– Встать! Живо! – скомандовал офицер. – Зачем спрыгнул с машины? Небось рыльце в пушку! Воровал и бог знает что еще делал!

Старик зашевелил губами, устремив на офицера широко открытые глаза.

– Что? – спросил тот. – Он что-то сказал?

– Говорит, что спрыгнул с перепугу, – ответил полицейский, стоя на коленях около старика.

– С перепугу? Конечно, с перепугу! Натворил чего-нибудь, вот и боится! Что он говорит?

– Говорит, что ничего не натворил.

– Все так говорят! Но куда нам его девать? Что с ним?

– Надо бы вызвать врача, – послышался голос Штайнера с грузовика.

– А вы помалкивайте! – нервно огрызнулся офицер. – Где мы раздобудем врача в такой час? Не может же он бесконечно валяться здесь на улице. А потом опять скажут, будто мы его так отделали. Ведь всегда и во всем виновата полиция!

– Надо отвезти его в больницу! – сказал Штайнер. – И как можно скорее!

Офицер растерялся. Теперь, поняв, что старик тяжело ранен, он даже забыл приказать Штайнеру замолчать.

– В больницу! Так просто там его не примут. Нужна сопроводительная бумага. А я не имею права подписать ее. Сначала я должен составить рапорт.

– Отвезите его в еврейскую больницу, – сказал Штайнер. – Там его примут без сопроводительной и без рапорта. Даже бесплатно.

Офицер уставился на него.

– Откуда вам это известно?

– Можно отвезти его в Общество неотложной помощи, – предложил один из полицейских. – Там постоянно дежурит санитар или врач. Пусть разбираются с ним. А мы от него отделаемся.

Офицер принял решение.

– Ладно, поднимите его! Проедем мимо «неотложной помощи». Один из вас останется с ним. Дурацкая история!

Полицейские подняли пострадавшего. Он снова застонал. Лицо сильно побледнело. Его уложили в кузов. Он вздрогнул и открыл глаза. Они блестели неестественным блеском, резко выделяясь на осунувшемся лице. Офицер покусывал губы.

– Бред какой-то! Такой старик, и вдруг прыгает на ходу!.. Трогай! Только не гнать!

Под головой раненого натекла лужица крови. Узловатые пальцы скребли по днищу кузова. Губы понемногу разжались, зубы обнажились. Казалось, под призрачной и угрюмой маской боли смеется кто-то другой, беззвучно и с издевкой.

– Что он говорит? – спросил офицер.

Тот же полицейский снова примостился около старика на коленях и поддерживал его голову.

– Говорит, хотел вернуться к своим детям. Теперь они, мол, умрут с голоду, – доложил полицейский.

– Ерунда какая! Ничего с ними не станет. А где они?

Полицейский склонился к раненому.

– Не хочет сказать. А то, мол, их тоже вышлют. У них нет вида на жительство.

– Что-то он фантазирует... А теперь что бормочет?

– Просит, чтобы вы его простили.

– Что? – изумился офицер.

– Говорит, чтобы вы его простили за неприятности, которые он вам причиняет.

– Простить? А при чем тут простить? – офицер внимательно посмотрел на человека, вытянувшегося в машине, и покачал головой.

Машина остановилась перед пунктом «неотложной помощи».

– Внесите его, – скомандовал офицер. – Только осторожно. Вы, Роде, останетесь с ним. Я потом позвоню.

Полицейские подняли пострадавшего. Штайнер наклонился над ним.

– Мы найдем твоих детей, – сказал он. – Поможем им. Понимаешь, старик?

Еврей открыл и снова закрыл глаза. Потом три полицейских внесли его в дом. Его руки свисали и волочились по мостовой. Как у мертвого. Через несколько минут оба полицейских вернулись и снова залезли в кузов.

– Он еще что-нибудь сказал? – спросил офицер.

– Нет. Совсем позеленел. Если сломал позвоночник – долго не протянет.

– Ну что ж, станет одним евреем меньше, – сказал полицейский, который ударил Штайнера.

– Простить! – пробормотал офицер. – Ведь надо же! Странные люди...

– Особенно в наше время, – заметил Штайнер.

Офицер подтянулся.

– А вы извольте заткнуться! Большевик! – рявкнул он. – Мы вышибем из вас все это нахальство!

Арестованных привезли в полицейский участок на Элизабет-променаде. С Керна и Штайнера сняли наручники. Затем их отвели к остальным в большое полутемное помещение. Почти все сидели молча. Эти люди привыкли ждать. Одна только белокурая хозяйка пансиона не переставала сетовать.

Около девяти часов их стали поочередно вызывать наверх. Керна привели в комнату, где находились два полицейских, писарь в штатском, тот же офицер и пожилой оберкомиссар полиции. Последний сидел в деревянном кресле и курил сигарету.

– Запишите анкетные данные, – приказал он писарю, сидевшему за столом.

Щуплый, прыщавый писарь чем-то напоминал селедку.

– Имя и фамилия? – спросил он неожиданно низким голосом.

– Людвиг Керн.

– Когда и где родились?

– Тридцатого ноября тысяча девятьсот четырнадцатого года в Дрездене.

– Значит, немец.

– Нет. Я без подданства. Лишен гражданства.

Оберкомиссар покосился на него.

– И это в двадцать один год? Что же вы натворили?

– Ничего. Меня лишили прав гражданства заодно с моим отцом. Я тогда был несовершеннолетним.

– А отца за что?

Керн помолчал с минуту. Год жизни в эмиграции научил его взвешивать в официальных инстанциях каждое слово.

– По ложному доносу о политической неблагонадежности, – сказал он наконец.

– Еврей? – спросил писарь.

– Отец еврей, мать не еврейка.

– Ясно!

Оберкомиссар стряхнул пепел своей сигареты на пол.

– Почему же вы не остались в Германии?

– У нас отняли паспорта и выслали. Останься мы, нас посадили бы в тюрьму. И тогда мы решили: уж если сидеть, то лучше в любой другой стране, лишь бы не в Германии.

Оберкомиссар сухо усмехнулся.

– Могу себе представить. Как же вы перешли границу, не имея паспорта?

– На чешской границе в то время требовалось только предъявить простой бланк для прописки. Он у нас еще был. В Чехословакии с таким документом можно было прожить три дня.

– А потом что?

– Нам разрешили остаться на три месяца. Затем пришлось уехать.

– Как давно вы в Австрии?

– Три месяца.

– Почему не явились в полицию?

– Потому что тогда меня бы немедленно выслали.

– Но, но! – оберкомиссар хлопнул ладонью по подлокотнику кресла. – Откуда вам это так точно известно?

Керн утаил, что, когда впервые вместе с родителями перешел австрийскую границу, все они немедленно явились в полицию. В тот же день их заставили пересечь границу в обратном направлении. Прибыв в Австрию вторично, они в полицию уже не пошли.

– А разве это не правда? – спросил он.

– Не вам тут задавать вопросы! Ваше дело отвечать! – грубо ответил писарь.

– А где теперь ваши родители! – спросил оберкомиссар.

– Мать в Венгрии. Она венгерка по происхождению, и ей разрешили там проживать. Отца арестовали и выслали, когда меня не было в гостинице. Где он теперь – не знаю.

– Ваша профессия?

– Я был студентом.

– На что вы жили?

– У меня есть немного денег.

– Сколько?

– При себе – двенадцать шиллингов. Остальное у знакомых.

У Керна было только двенадцать шиллингов. Он заработал их, продавая мыло, духи и туалетную воду. Но признайся он в этом, его бы обвинили еще и в недозволенной коммерции.

Оберкомиссар поднялся и зевнул.

– Ну что, всех допросили?

– Еще один остался внизу, – сказал писарь.

– Вечно одно и то же. Шуму много, а толку мало. – Оберкомиссар покосился на офицера. – Все они нелегально прибыли в Австрию. На коммунистический заговор как будто не похоже. Кто написал донос?

– Тоже владелец ночлежки. Только у него полно клопов, – сказал писарь. – Видимо, зависть к конкуренту.

Оберкомиссар рассмеялся. Вдруг он заметил, что Керн все еще не ушел.

– Отведите его вниз. Вы, конечно, знаете, что вам полагается: две недели ареста и высылка. – Он снова зевнул. – Пойду-ка в трактир да спрошу себе гуляш и пиво.

На сей раз Керна привели в камеру поменьше. Кроме него там находилось еще пять арестованных, в том числе поляк, с которым он ночевал в одной комнате. Через пятнадцать минут привели Штайнера. Он сел рядом с Керном.

– Ты в первый раз за решеткой, малыш?

Керн кивнул.

– Ну и как? Чувствуешь себя убийцей?

Керн скривил губы.

– Примерно. Ведь я в тюрьме, а у меня остались детские представления о тюрьмах.

– Это еще не тюрьма, – наставительно заметил Штайнер. – Это называется – «под стражей». Тюрьма будет потом.

– А ты уже сидел?

– Да. В первый раз люди обычно волнуются. Потом перестают. Особенно зимой. По крайней мере дни проходят спокойно. Человек без паспорта все равно что труп в отпуске. Ему в пору покончить с собой. Больше ничего не остается.

– А за границей даже и с паспортом не разрешают работать. Нигде.

– Конечно, не разрешают. Паспорт дает эмигранту только одно право: помереть с голоду. Но помереть спокойно, а не в бегах. Это уже немало.

Керн уставился неподвижным взглядом в угол.

Штайнер хлопнул его по плечу.

– Не унывай, малыш! Зато тебе выпало великое счастье жить в двадцатом столетии – в век культуры, прогресса и человечности.

– А есть здесь вообще-то дают? – спросил невысокий лысый человек, сидевший на койке в углу.

Хоть бы кофе принесли.

– А вы позвоните кельнеру, – ответил ему Штайнер. – Пусть принесет меню. У них тут огромное разнообразие блюд. Черная икра, разумеется, вдоволь, сколько душе угодно.

– Насчет еды здесь очень плохо, – сказал поляк.

– А вот и наш Иисус Христос! – Штайнер с интересом посмотрел на поляка. – Ты профессиональный арестант?

– Очень плохо, – повторил поляк. – И так мало...

– О Господи! – проговорил лысый в углу. – А у меня в чемодане осталась жареная курица. Когда же они нас наконец выпустят?

– Через две недели, – заметил Штайнер. – Это обычное наказание для эмигрантов, у которых нет паспортов. Иисус Христос, я правильно говорю? Ты ведь знаешь эти дела!

– Две недели, – подтвердил поляк. – Или еще больше. Кушать дают очень мало. Очень плохо. Жидкий суп.

– Вот, черт подери! Курица тем временем сгниет. Лысый застонал. – Первая курочка за два года. Копил, откладывал гроши. Думал, съем сегодня в обед.

– Подавите свои страдания до вечера, – посоветовал Штайнер. – Тогда вы сможете предположить, что уже съели свою курицу. Вам станет намного легче.

– Что?! Что за ерунда? – Лысый явно расстроился.

И это по-вашему одно и то же? Вы просто болтун! Ведь все равно выходит, что я ее не съем. Кроме того, я мог оставить себе ножку на завтрак.

– Тогда дождитесь утра.

– Меня бы это не очень огорчило, – вмешался поляк. – Никогда не ем кур.

– Конечно, тебя бы это не огорчило! Ведь у тебя в чемодане никакой жареной курицы нет, – проворчал мужчина в углу.

– Даже если бы и была, все равно! Никогда их не ем! Терпеть не могу курятину. Меня от нее тошнит! – Поляк разглаживал бороду и казался очень довольным. – Совсем бы не огорчился. Подумаешь, курица.

– Вот заладил! Да тебя ведь никто и не спрашивает! – с досадой воскликнул лысый.

– Хоть ты мне сейчас подай курицу... Не притронусь к ней! – торжествующе объявил поляк.

– Господи ты Боже мой! Видали такое! – Обладатель курицы в чемодане горестно прижал ладони к глазам.

– Раз у него водятся жареные куры, значит, с ним ничего не случится, – сказал Штайнер. – А у нашего Иисуса Христа прямо-таки куриный иммунитет. Он презирует кур так, как Диоген презирал комфорт. Ну а если курочка в бульоне?

– Тоже нет! – твердо ответил поляк.

– А цыплята-паприка?

– Вообще никаких кур! – поляк сиял.

– С ума сойти! – взвыл измученный владелец курицы.

Штайнер обернулся.

– Скажи, Иисус Христос, а как ты насчет яиц? Куриных яиц?

Сияние прекратилось.

– Яички, да! Очень люблю! – По бородатому лицу пробежала тень смутного томления. – Четыре штуки, шесть штук, двенадцать штук... шесть всмятку, остальные – глазунья. С жареной картошечкой. С жареной картошечкой и шпиком.

– Не могу больше слушать! Распните на кресле этого прожорливого Христа! – завопила «курица в чемодане».

– Господа, – раздался приветливый басистый голос, в котором послышался русский акцент. – К чему столько волнений из-за какой-то иллюзии. Мне удалось протащить сюда бутылку водки.

Русский откупорил бутылку, отпил из нее и передал Штайнеру. Тот сделал глоток и подал ее Керну. Керн отрицательно покачал головой.

– Пей, малыш, – сказал Штайнер. – Это тоже надо уметь. Придется поучиться.

– Водка – это очень хорошо! – подтвердил поляк.

Керн отхлебнул и передал бутылку поляку. Тот поднес горлышко к губам, лихо запрокинул голову и принялся пить.

– Ну и горазд лакать этот яйцепоклонник! – злобно пробурчал обладатель курицы и вырвал у поляка бутылку из рук. – Осталось совсем немного, – с сожалением сказал он русскому, отпив свою долю.

Тот пренебрежительно махнул рукой.

– Не беда. Меня выпустят сегодня вечером. Как русский я имею нансеновский паспорт⁴.

– Нансеновский паспорт! – почтительно повторила «курица». – Значит, среди безродных вы – аристократ.

– Мне очень жаль, что вы еще не имеете его, – вежливо ответил русский...

– У вас было преимущество, – заметил Штайнер. – Вы были первыми. Мир встретил вас с великим состраданием. А на нашу долю выпала лишь малая толика сочувствия. Нас, конечно, жалеют, но все тяготеет нами. Мы – нежелательный элемент...

Русский пожал плечами. Затем передал бутылку единственному человеку в камере, который до сих пор не проронил ни слова.

– Пожалуйста, отпейте и вы глоток.

– Благодарю, – отказался тот, – я не из ваших.

Все посмотрели на него.

– У меня есть настоящий паспорт, родина, право на проживание и на работу.

Все помолчали.

– Можно узнать, – спросил русский после некоторого колебания, – почему же в таком случае вы здесь?

– В связи с моей профессией, – важно ответил тот. – Я не какой-нибудь опасный беженец без паспорта. Я вполне порядочный карманный вор и шулер с полными гражданскими правами.

На обед принесли жидкий фасолевый суп без фасоли. На ужин дали то же самое, но на сей раз эта бурда называлась кофе. Кроме того, каждый получил по куску хлеба. В семь часов щелкнул дверной замок. Предсказание русского сбылось: пришли именно за ним. Он простился со всеми, как со старыми знакомыми.

– Через четырнадцать дней я загляну в кафе «Шперлер», – сказал он Штайнеру. – Может, встретимся там, и тогда я придумаю что-нибудь для вас. До свидания!

К восьми часам полноправный гражданин и шулер уже созрел для истинного братства и солидарности. Он достал пачку сигарет и пустил ее по кругу. Все закурили. Тусклый свет сумерек и огоньки сигарет создавали в камере атмосферу почти домашнего уюта. Карманник заявил, что его следователя интересует лишь одно: совершил ли он в последнем полугодии крупную кражу. Он полагал, что следователь вряд ли докопается до чего-нибудь. Затем он предложил сыграть в карты и, как заправский фокусник, достал из кармана пиджака колоду.

Уже стемнело, а свет все не включали. Шулер был подготовлен и к этому. Еще одно ловкое движение, и в руках у него оказались свеча и спички. Свечу прилепили на выступе стены. Она горела матовым дрожащим пламенем.

Поляк, «курица» и Штайнер придвинулись поближе.

⁴ «Нансеновские паспорта» – временные удостоверения личности для апатридов и беженцев. Выдавались Лигой наций по инициативе Фритьофа Нансена (1861–1930), норвежского исследователя Арктики и видного общественно-политического деятеля. – *Примеч. пер.*

- Играем без интереса, не так ли? – спросила «курица».
- Само собой разумеется, – улыбнулся шулер.
- А ты не сыграешь с нами? – обратился Штайнер к Керну.
- Не умею играть в карты.
- Надо выучиться, малыш. Иначе что же ты будешь делать по вечерам?
- Завтра попробую. Сегодня не хочу.

Штайнер обернулся. В тусклом свете свечи его лицо казалось изборожденным глубокими морщинами.

- Тебе нехорошо?
- Нет, почему же? Просто устал немного. Полежу на койке.

Шулер уже тасовал колоду. Он делал это элегантно и весьма искусно. Карты в его руках трещали и хлопали, словно выстрелы.

- Кто сдает? – спросила «курица».

Полноправный гражданин предложил всем снять по карте. Поляк вытянул девятку, «курица» – королеву, Штайнер и шулер – по тузу.

Шулер быстро взглянул на Штайнера.

- Прикупаем.

Он потянул еще карту. Снова туз. Он усмехнулся и передал колоду Штайнеру. Тот небрежно вытащил нижнюю карту – туз червей.

- Вот так совпадение! – расхохоталась «курица».

Шулер не смеялся.

– Откуда вы знаете этот трюк? – озадаченно спросил он Штайнера. – Тоже работаете по моей части?

- Нет, я любитель. Поэтому похвала профессионала радует меня вдвойне.

– Не в том дело! – шулер посмотрел на него в упор. – Ведь этот трюк придуман лично мною.

– Ах вот оно что! – Штайнер загасил окурок. – А я выучился ему в Будапеште. В тюрьме. Перед высылкой. От некоего Катчера.

– От Катчера! Тогда все понятно! – карманник облегченно вздохнул. – От него, значит! Катчер – мой ученик. А вы это здорово освоили.

– Да, – сказал Штайнер, – когда человек долго находится в пути, он может научиться многому.

Шулер передал ему колоду и внимательно посмотрел на пламя свечи.

– Скверное освещение... Но мы играем, разумеется, только ради удовольствия, господа, не так ли? По-честному...

Керн улегся на койке и закрыл глаза. Его переполняла какая-то туманная, серая печаль. После утреннего допроса он не переставал думать о своих родителях; давно уже он не предавался воспоминаниям. Керн мысленно видел перед собой отца в день, когда тот вернулся из полиции. Один из его конкурентов сообщил в гестапо, что он ведет антигосударственные разговоры. Доносчику хотелось разорить отца, чтобы затем купить у него за бесценок небольшую лабораторию по производству медицинского мыла, духов и туалетной воды. План этот, как и тысячи других подобных планов, удался. Отец Керна провел шесть недель в заключении и вернулся оттуда совершенно сломленным. Он никогда не говорил о том, что пережил. Лабораторию приобрел конкурент, уплатив за нее совершенно смехотворную цену. Вскоре пришло предписание о высылке, и начались бесконечные мытарства. Из Дрездена в Прагу; из Праги в Брно; оттуда через границу в Австрию, из Австрии полиция на следующий же день переправила их обратно в Чехословакию; несколько дней спустя они тайком вновь перешли австрийскую границу и добрались до Вены. Во время ночного перехода через лес мать сломала себе

руку. Кое-как удалось наложить шины из веток... После Вены – Венгрия. Около месяца они жили у родственников матери. Затем снова полиция. Расставание с матерью. Венгерка по происхождению, она могла остаться на родине. И снова граница. Снова Вена. Жалкая, нищенская торговля мылом, туалетной водой, подтяжками и шнурками. Нескончаемый страх – а вдруг кто-то донесет, а вдруг сцапают... Вечер, когда отец ушел и не вернулся... Месяцы одиночества. Одно тайное пристанище, потом другое, третье...

Керн повернулся. При этом он толкнул кого-то и невольно открыл глаза. На койке рядом с ним, словно черный узел, лежал последний из обитателей камеры, мужчина лет пятидесяти. За весь день он почти ни разу не шевельнулся.

– Извините, – сказал Керн. – Я вас не видел...

Человек промолчал. Керн заметил, что глаза его открыты. Подобное душевное состояние было ему знакомо. Он наблюдал его уже не впервые. В таких случаях лучше всего оставить человека в покое.

– Вот проклятие! – внезапно вскрикнула «курица», игравшая в карты. – Какой же я осел! Таких ослов еще поискать!

– Почему? – спокойно спросил Штайнер. – Вы пошли королевой червей, это совершенно правильно.

– Да я не о том! Ведь этот русский мог бы мне прислать мою курицу! Господи, какой же я жалкий осел! Просто невиданно тупой осел!

Он обвел камеру таким мрачным взглядом, словно только что рухнул мир.

Вдруг Керн громко рассмеялся. Он не хотел этого, но уже не мог остановиться. Не зная почему, он хохотал так, что весь трясся. Казалось, хохочет его душа, в которой смешались воедино печаль, память о прошлом, – все, о чем он думал.

– Что случилось, малыш? – спросил Штайнер, переводя взгляд с карт на Керна.

– Не знаю... Смеюсь.

– Смеяться всегда хорошо.

Штайнер прикупил козырного пикового короля и ошеломил поляка неотразимым ходом.

Керн закурил сигарету. Внезапно все показалось ему совсем простым. Он решил завтра же научиться играть в карты. И почему-то подумал, что это решение изменит весь дальнейший ход его жизни.

II

Через пять дней шулера выпустили. Подкопаться под него так и не удалось. Он постарался помочь Штайнеру еще лучше овладеть своим методом игры в карты, и они расстались друзьями. На прощание шулер подарил Штайнеру колоду карт, и тот приступил к обучению Керна. Он научил его играть в скат, в ясс⁵, в тарок⁶ и в покер. Скат был нужен для игры с эмигрантами, ясс – для Швейцарии, тарок – для Австрии и покер – для всех остальных случаев.

Через четырнадцать дней Керна вызвали наверх. Инспектор ввел его в комнату, где сидел пожилой мужчина. Здесь было просторно и очень светло. Привыкнув к постоянному полумраку камеры, Керн невольно зажмурился.

– Вы – Людвиг Керн, без подданства, студент, родились тридцатого ноября тысяча девятьсот четырнадцатого года в Дрездене, не так ли? – равнодушно спросил чиновник и заглянул в бумаги.

Керн кивнул. Он не мог говорить – вдруг пересохло в горле. Чиновник вопросительно посмотрел на него.

– Да, – хрипло ответил Керн.

– Вы проживали в Австрии без документов и без прописки...

Чиновник быстро читал протокол.

– Суд приговорил вас к двухнедельному заключению. Это наказание вы уже отбыли. Теперь мы высылаем вас из Австрии. Любая попытка вернуться наказуема. Вот судебное решение о высылке. Распишитесь в том, что ознакомились с этим решением, и знайте, что любая попытка вернуться влечет за собой уголовную ответственность. Вот тут, справа.

Чиновник закурил сигарету. Керн не мог оторвать взгляда от жилистой рыхлой руки, державшей спичку. Через два часа этот человек, вероятно, запрет на замок свой письменный стол и отправится куда-нибудь поужинать; потом, возможно, сыграет в тарок и выпьет пару стаканчиков молодого вина. Около одиннадцати он зевнет, расплатится по счету и скажет: «Я устал. Пойду-ка домой спать». Домой... Спать... В этот же час леса и поля у границы будут окутаны густым мраком... Мрак, чужбина, страх. И, затерянный среди всего этого, одинокий, спотыкающийся, усталый, томящийся по людям и боящийся их, будет брести он, Людвиг Керн, крохотная мерцающая искорка жизни. И все только потому, что его и этого скучающего чиновника за письменным столом разделяет кусок бумаги, именуемый паспортом. Их кровь одинаковой температуры, их глаза устроены одинаково, их нервы реагируют на одни и те же раздражения, их мысли развиваются в одинаковых направлениях – и все же между ними пропасть, ничто у них не одинаково, уютное спокойствие одного – пытка для другого, один – власть имущий, другой – отверженный; и пропасть, разделяющая их, – всего лишь клочок бумаги, на котором не написано ничего, кроме имени и нескольких незначительных сведений.

– Вот здесь, справа, – сказал чиновник. – Имя и фамилия.

Керн встряхнулся и поставил свою подпись.

– К какой границе отвезти вас? – спросил чиновник.

– К чешской.

– Хорошо. Через час в путь. Вам дадут провожатого.

– В доме, где я жил, у меня остались кое-какие вещи. Могу ли я взять их перед отправкой?

– Что еще за вещи?

– Чемодан с бельем и всякая мелочь.

⁵ Швейцарская карточная игра. – *Примеч. пер.*

⁶ Итальянская карточная игра, популярная в Австрии и Южной Германии. – *Примеч. пер.*

– Хорошо. Скажете об этом чиновнику, который поедет с вами к границе. Зайдете с ним за вещами.

Инспектор отвел Керна обратно в камеру и ушел со Штайнером.

– Ну что? – с любопытством осведомилась «курица».

– Через час нас выпустят.

– Jezus Christos! – воскликнул поляк. – Опять начинается паршивая жизнь. Вот дерьмото!

– А ты что – хотел бы остаться здесь? – спросила «курица».

– Если бы кормили получше... и дали легкую работу... скажем, рассыльным по тюрьме... тогда с удовольствием.

Керн достал носовой платок и, насколько это было возможно, почистил свой костюм. За две недели его рубашка сильно загрязнилась. Он завернул манжеты. Поляк наблюдал за ним.

– Пройдет год-другой, и ты перестанешь обращать на это внимание, – пророчески изрек он.

– Куда направляешься? – спросила «курица».

– В Чехословакию. А ты? В Венгрию?

– В Швейцарию. Я все обдумал. Давай вместе. Оттуда нас перебросят во Францию.

Керн отрицательно покачал головой.

– Нет, я постараюсь попасть в Прагу.

Через несколько минут привели Штайнера.

– Ты знаешь, как зовут полицейского, который тогда ударил меня по лицу? – спросил он Керна. – Леопольд Шефер. Его адрес – Траутенаугассе, двадцать семь. Мне зачитали протокол, там это написано. О том, что он меня ударил, разумеется, ни слова. Сказано лишь, что я ему угрожал. – Он посмотрел на Керна. – Как ты думаешь, забуду я это имя и адрес?

– Нет, – сказал Керн. – Наверняка не забудешь.

Вскоре появился полицейский в штатском. Он приказал Штайнеру и Керну следовать за ним. Керн сильно волновался. Выходя из здания, он невольно остановился. Мягкий ветер пахнул ему в лицо. Небо было голубым, а вдали над домами сверкали крыши в последних красноватых отблесках солнца, мерцал Дунайский канал, а на мостовых сквозь поток спешащих домой или прогуливающих людей с трудом протискивались большие красные автобусы, облитые закатным блеском. Совсем близко торопливо прошла стайка смешливых девушек в светлых платьях. Керну казалось, что он никогда еще не видел ничего столь прекрасного.

– Ну, что ж, пошли! – сказал полицейский.

Керн вздрогнул. Заметив, что какой-то прохожий бесцеремонно разглядывает его, он сконфуженно оглядел свою одежду.

Они шли по улице, полицейский держался посередине. На тротуарах перед кафе были расставлены столики и стулья, всюду сидели радостные, оживленно болтающие люди. Керн наклонил голову и убыстрил шаг. Штайнер смотрел на него с добродушной насмешливостью.

– Ну как, малыш? Не про нас такая жизнь, верно?

– Нет, не про нас, – ответил Керн и сжал губы.

Они дошли до пансиона. Хозяйка встретила их со смешанным чувством досады и сострадания. Она сразу же выдала им вещи. К счастью, ничего не украли. В тюремной камере Керн решил было, что, придя в пансион, сменит рубашку, но после хождения по улицам не стал этого делать. Подхватив свой потрепанный чемодан, он поблагодарил хозяйку.

– Мне жаль, что мы доставили вам столько неприятностей, – сказал он.

Хозяйка махнула рукой.

– Было бы вам хорошо. И вам, господин Штайнер. Куда вы направляетесь?

Штайнер сделал неопределенный жест.

– Поскачу, как все пограничные кузнечики: от куста к кусту.

С минуту хозяйка колебалась. Затем решительным шагом подошла к стенному шкафчику из орехового дерева. Шкафчик был сделан в виде средневековой крепости.

– Выпейте по рюмочке на дорогу...

Она взяла бутылку и наполнила три рюмки.

– Сливовица? – спросил Штайнер.

Она кивнула и предложила полицейскому также взять рюмку. Тот выпил и вытер усы.

– В конце концов, наш брат только лишь выполняет свой долг, – заявил он.

– Разумеется! – Хозяйка снова наполнила его рюмку. – А вы почему не пьете? – спросила она Керн.

– Натощах не могу...

– Ах вот что! – Хозяйка испытующе посмотрела на него. Ее рыхлое, холодное лицо неожиданно потеплело. – Бог ты мой, ведь парень еще растет, – пробормотала она. – Франци, – позвала она затем. – Принеси бутерброд!

– Благодарю вас, не нужно. – Керн покраснел. – Я не голоден.

Официантка принесла двойной бутерброд с ветчиной.

– Нечего жеманиться, – сказала хозяйка. – Ешьте!

– Хочешь половину? – обратился Керн к Штайнеру. – Мне это много.

– Не разговаривай! Навертывай! – ответил Штайнер.

Керн съел бутерброд и выпил рюмку сливовицы. Затем они простились с хозяйкой. Трамвай довез их до Восточного вокзала. В поезде Керн внезапно почувствовал сильную усталость. Стук колес убаюкивал.

Мимо, словно во сне, проплывали фабрики, дороги, трактиры среди высоких ореховых рощиц, луга, поля. Керн был сыт, и это действовало, как дурман. Мысли стали расплываться. Ему грезился белый дом среди цветущих каштанов, торжественная депутация мужчин и женщин, вручающих ему письмо о присвоении звания почетного гражданина города. Потом помешался какой-то диктатор в военной форме. Диктатор стоял перед ним на коленях и, плача, молил о прощении.

Было уже почти темно, когда они подошли к домику таможни. Полицейский передал их таможенной охране и побрел обратно сквозь сиреневые сумерки.

– Еще слишком рано, – сказал чиновник, оформлявший проезд автомобилей. – Дождемся половины десятого – тогда будет в самый раз.

Керн и Штайнер уселись на скамье перед дверью и стали разглядывать подъезжавшие машины.

Вскоре появился второй чиновник. Он повел их по тропинке, уходившей вправо от таможни. Они шли через поле, вдыхая острый запах земли и росы, миновали несколько домов с освещенными окнами и небольшой перелесок. Через некоторое время чиновник остановился.

– Так и идите дальше. Держитесь левее, за кустами вас не увидят! Дойдете до Моравы. Теперь она неглубокая, и вы без труда переправитесь вброд.

На берегу они разделись. Одежду и ручную кладь связали в узлы. Вода в Мораве застоялась и мерцала коричнево-серебристыми отсветами. Небо было в звездах и облаках, сквозь которые изредка проглядывала луна.

– Пойду вперед, – сказал Штайнер. – Я выше тебя.

Они пошли вброд через реку. Керн чувствовал, как вода холодно и таинственно поднимается вверх по телу, словно хочет удержать его навсегда. Перед ним медленно и осторожно двигался Штайнер, несший рюкзак и одежду над головой. В лунном свете его широкие плечи казались совсем белыми. Дойдя до середины реки, Штайнер остановился и обернулся. Керн следовал вплотную за ним. Улыбнувшись, он приветливо кивнул товарищу.

Выйдя на противоположный берег, они кое-как обтерлись носовыми платками. Затем оделись и пошли дальше. Вскоре Штайнер остановился.

– Вот мы и за границей, – сказал он.

Выглянула луна, и в прозрачном воздухе глаза Штайнера стали очень светлыми, почти стеклянными.

– Ну и что? Разве деревья растут здесь по-другому? Или у ветра другой запах? Разве здесь не те же звезды? Разве люди умирают здесь не так, как всюду?

– Все это так, – сказал Керн. – Но все-таки я чувствую себя по-иному.

Они примостились под старым буком, где их никто не мог увидеть. Перед ними расстился луг. Вдали светились огоньки какой-то словацкой деревни. Штайнер развязал рюкзак и достал из него сигареты.

При этом он посмотрел на чемодан Керна.

– Я считаю, что рюкзак практичнее чемодана. Меньше бросается в глаза. Можно сойти за обычного туриста.

– Туристов тоже проверяют, – ответил Керн. – Проверяют всех, кто победнее на вид. Самое лучшее ездить в машине.

Они закурили.

– Через час я отправлюсь обратно, – сказал Штайнер. – А ты?

– Попытаюсь добраться до Праги. Там полиция ведет себя поделикатнее. Можно без труда получить разрешение пожить в городе несколько дней. Ну а дальше будет видно. Возможно, я разыщу своего отца и он мне поможет. Мне говорили, будто он там.

– Адрес его знаешь?

– Нет.

– Сколько у тебя денег?

– Двенадцать шиллингов.

Штайнер порылся в кармане пиджака.

– Вот тебе еще немного. До Праги дотянешь.

Керн растерянно посмотрел на него.

– Не беспокойся, – сказал Штайнер. – Я себе оставил достаточно.

Он показал несколько кредиток. В тени деревьев Керн не мог разглядеть их толком. Немного поколебавшись, он взял деньги.

– Спасибо, – сказал он.

Штайнер молчал и курил. При затяжках огонек сигареты освещал его лицо.

– Зачем, собственно, ты кочуешь по свету? – спросил Керн. – Ведь ты не еврей!

Штайнер ответил не сразу.

– Да, я не еврей, – наконец сказал он.

Что-то зашуршало в кустах. Керн вскочил.

– Заяц или кролик, – сказал Штайнер. Затем обернулся к Керну. – Вот что я тебе скажу, малыш. Вспомни об этом, если начнешь отчаиваться. Ты, твой отец и твоя мать – все вы находитесь за границей. И я тоже. А моя жена в Германии. И я ничего о ней не знаю.

Сзади снова послышалось шуршание. Штайнер загасил сигарету и прислонился к стволу бука. Поднялся ветерок. Над горизонтом повисла луна, безжалостная и белая, как мел. В ту памятную ночь она была такой же...

После побега из концентрационного лагеря Штайнер в течение недели прятался у одного друга. Он сидел в запертой камерке на чердаке, готовый при малейшем подозрительном шуме бежать по крыше. В первую ночь друг принес ему хлеб, консервы и две бутылки воды. В следующую – несколько книг. Днем Штайнер читал их – это отвлекало. Зажигать свет или курить – опасно. Для естественных надобностей был горшок, спрятанный в картонную коробку. Ночью

друг выносил его, а потом приносил обратно. Оба соблюдали предельную осторожность. Разговаривали немного и только шепотом – рядом спали служанки, которые могли их выдать.

– Мари знает? – спросил Штайнер в первую ночь.

– Нет. Ее дом под наблюдением.

– С ней что-нибудь случилось?

Друг отрицательно покачал головой и ушел.

Каждую ночь Штайнер задавал один и тот же вопрос. Наконец на четвертые сутки друг сообщил, что видел Мари и теперь она знает, где он. Завтра, вероятно, удастся увидеть ее снова. Среди толпы на рынке. Весь день Штайнер писал Мари письмо, которое друг должен был ей передать. Вечером он разорвал все листки. За Мари могла быть слежка. Поэтому Штайнер попросил друга не рисковать и не встречаться с ней больше. Еще три ночи он провел на чердаке. Наконец друг принес ему деньги, билет и костюм. Штайнер постригся, промыл волосы перекисью водорода и стал блондином. Затем сбрил усы. Утром, надев монтерскую куртку и взяв ящик с инструментом, ушел. Надо было сразу же выбраться из города, но сердце подсказывало другое. Целых два года он не видел жену. Он отправился на рынок. Через час она пришла. Штайнер почувствовал дрожь. Мари прошла мимо, не узнав его. Он последовал за ней и, оказавшись совсем близко, сказал: – Не оглядывайся! Это я! Иди, не останавливайся! Иди!

Ее плечи дернулись, голова откинулась назад. Потом она снова пошла, стараясь уловить каждое его слово.

– С тобой ничего не сделали? – спросил голос за ее спиной.

Она отрицательно покачала головой.

– За тобой следят?

Она кивнула.

– И сейчас тоже?

Она колебалась. Затем снова отрицательно покачала головой.

– Я немедленно уйду. Попытаюсь пробиться через границу. Писать не смогу. Это слишком опасно для тебя.

Она кивнула.

– Ты должна развестись со мной.

На какое-то мгновение женщина замедлила шаг. Затем пошла дальше.

– Ты должна развестись со мной. Завтра же пойди в суд. Скажешь, что хочешь развестись из-за моих политических убеждений. Что раньше ты, мол, о них ничего не знала. Поняла?

На сей раз она не шевельнула головой. Вытянувшись в струнку, продолжала идти.

– Да пойми ты меня, – шептал Штайнер. – Это необходимо для твоей безопасности! Я сойду с ума, если тебя хоть пальцем тронут! Ты должна развестись – тогда они оставят тебя в покое!

Женщина не ответила ему.

– Я люблю тебя, Мари, – тихо процедил Штайнер сквозь зубы, и его веки затрепетали от волнения. – Я люблю тебя и не уйду, если ты мне не пообещаешь этого! Обещай, иначе я снова отправлюсь на чердак! Понимаешь?

Наконец она кивнула. И ему показалось, что этого кивка он ждал целую вечность.

– Так обещаешь?

Мари медленно опустила голову. Ее плечи поникли.

– Сейчас я сверну и поднимусь по правому проходу. А ты сверни налево и пойди мне навстречу. Ничего не говори, ничего не делай! Я только хочу увидеть тебя еще один раз. Потом уйду. Если ничего обо мне не услышишь, значит, я пробылся.

Она кивнула и ускорила шаг.

Штайнер пошел вверх по узкому переулку, вдоль мясных лавчонок. Женщины с корзинами торговались у прилавков. В лучах солнца туши отливали кровавым блеском и сверкали

белизной. Стоял невыносимый запах. Мясники надрывали глотки. И внезапно все это потонуло. Удары топоров по деревянным чурбанам превратились в тонкий посвист кос. Появился луг, пшеничное поле, свобода, березы, ветер и любимая походка, любимое лицо. Она чуть сощурила глаза и неотрывно смотрела на него, и в этих глазах было все: и боль, и счастье, и любовь, и разлука, а высоко над их головами плыла жизнь, такая переполненная, такая сладостная и дикая! И от такой жизни надо отказаться... С чудовищной быстротой мелькали тысячи поблескивающих ножей...

Они шли и в то же время стояли на месте; шли и не знали, что идут. Потом в глаза Штайнера ворвалась какая-то слепящая пустота, и лишь немного погодя он вновь стал различать краски и весь этот суетный калейдоскоп, бессмысленно вращающийся перед глазами, но не доходящий до сознания.

С минуту он брел, спотыкаясь. Потом ускорил шаг. Он шел насколько мог быстро, стараясь не привлекать к себе внимания. Проходя мимо стола, покрытого клеенкой, он задел локтем свиную тушу. Мясник разразился бранью, а Штайнеру слышалась барабанная дробь. Дойдя до угла мясного ряда, он свернул за угол и остановился.

Штайнер видел, как Мари медленно прошла через ворота рынка. На углу улицы она обернулась и простояла так довольно долго, слегка запрокинув голову и широко раскрыв глаза. Ветер теребил ее платье. Резко обрисовывалась фигура. Штайнер не знал, видит ли она его, но не решился подать ей знак. Боялся, что она чего доброго побежит к нему. Вдруг она подняла руки и прижала ладони к груди. И словно вся она потянулась к нему в болезненном и неосознанном, слепом объятии, с открытым ртом и закрытыми глазами. Затем она медленно отвернулась, и темное ущелье улицы поглотило ее.

Через три дня Штайнер перешел границу. Ночь была светла и ветрена, а в небе висела луна, белая, как мел. Штайнер был сильным, волевым человеком, но теперь, перейдя границу, обливаясь холодным потом, он обернулся и, глядя туда, откуда пришел, точно лишившись рассудка, произнес имя своей жены.

Он снова достал сигарету. Керн дал ему огня.

– Сколько тебе лет? – спросил Штайнер.

– Двадцать один год. Скоро будет двадцать два.

– Вот как! Скоро двадцать два. Это уже не шутки, малыш. Как тебе кажется?

Керн кивнул в знак согласия.

Штайнер задумался. Потом сказал:

– В двадцать один год я был на фронте. Во Фландрии. Это тоже не было шуткой. Наше нынешнее положение во сто крат лучше. Понимаешь?

– Понимаю. – Керн повернулся. – Конечно, лучше так, чем быть мертвым. Все это я знаю.

– Тогда ты уже знаешь много. До войны мало кто понимал это.

– До войны... С тех пор прошло сто лет...

– Тысяча лет... В двадцать два года я лежал в лазарете. Там я кое-чему научился. Рассказать чему?

– Говори.

– Ладно, слушай. – Штайнер сделал глубокую затяжку. – Ничего особенного у меня не было. Сквозное ранение мышечных тканей. Боли почти не было. Но рядом лежал мой друг. Не какой-нибудь друг. Мой друг. Его ранило в живот осколком снаряда. Он лежал на койке и кричал. Ни грамма морфия, понимаешь? Морфия не хватало даже для офицеров. На второй день он так сильно охрип, что мог уже только стонать. Умолял меня прикончить его. Я бы это сделал, но не знал как. И вдруг на третий день на обед подали гороховый суп. Густой гороховый суп с салом, суп мирного времени. До того нас кормили какими-то ополосками. Ну, мы, конечно, давай жрать. Все страшно изголодались. Жрал и я. Жрал, как давно не кормленная

скотина, с каким-то самозабвенным наслаждением. Уплетая суп и глядя поверх края миски, я видел лицо моего друга, его искусанные, разжатые губы, видел, как он умирает в муках. Через два часа его не стало...

А я жрал и жрал, и никогда в жизни ничто не казалось мне вкуснее.

Он сделал паузу.

– Ну и что ж, вы просто здорово изголодались, – сказал Керн.

– Не в этом суть. Тут другое. Кто-то подышает рядом, а ты ничего не чувствуешь. Ну, допустим, тебе жалко человека. Но боли-то ты ведь все равно не чувствуешь! Твой живот цел – в этом все дело. Рядом, в двух шагах от тебя кто-то гибнет, и мир рушится для него среди крика и мук... А ты ничего не ощущаешь. Вот ведь в чем ужас жизни! Запомни это, малыш. Вот почему мир так медленно движется вперед. И так быстро назад. Тебе не кажется?

– Нет, не кажется, – сказал Керн.

Штайнер усмехнулся.

– Понимаю. И все-таки подумай об этом при случае. А вдруг поможет...

Он встал.

– Мне пора. Пойду обратно. Таможенник вряд ли думает, что сразу вернусь. Первые полчаса он был внимателен. С утра снова будет наблюдать. Но ему никак не догадаться, что я подамся к границе в промежутке, то есть ночью. Уж такова психология таможенников. К счастью, зверь постепенно становится умнее охотника. Почти всегда. И знаешь почему?

– Не знаю.

– А потому, что зверь рискует больше. – Он хлопнул Керна по плечу. – Поэтому-то евреи и стали самым хитрым народом на земле. Запомни первый закон жизни: опасность обостряет чувства.

Он протянул Керну руку, большую, сухую и теплую.

– Счастливо тебе! Может, когда и увидимся опять. По вечерам я часто буду в кафе «Шперлер». Спросишь там меня. – Керн кивнул.

– Ну, ни пуха ни пера! И не разучись играть в карты. Они отвлекают, избавляют от мыслей.

Для людей без пристанища это очень важно. Ты уже неплохо разбираешься в яссе и в тароке. А вот в покере рискуй побольше. Блефуй направо и налево.

– Хорошо, – сказал Керн. – Буду блефовать. И спасибо тебе! Спасибо за все!

– От чувства благодарности тебе придется отвыкнуть. Или, впрочем, нет, не отвыкай от него. С ним легче прожить. И не в смысле отношений с людьми, это как раз не важно. Просто самому легче. Благодарность, если только ты способен почувствовать ее, согревает душу. И запомни: нет ничего хуже войны!

– И ничего нет хуже, чем быть мертвым.

– Насчет смерти не знаю. Во всяком случае, хуже умирать. Прощай, малыш!

– Прощай, Штайнер!

Керн сидел еще немного. Небо прояснилось. Вокруг простирался тихий, мирный пейзаж. Пейзаж без людей.

Керн сидел в тени бука и думал о своем. Просвечивающая зеленая листва вздулась, точно большой парус, и казалось – ветер медленно уносит землю в бесконечную синюю даль, и звезды – сигнальные огни, а луна – светящийся буй.

Керн решил попытаться еще этой ночью добраться до Братиславы, а оттуда направиться в Прагу. В большом городе всегда безопаснее. Он открыл чемодан, достал чистую рубашку и пару носков, чтобы переодеться. Он знал, что это важно. К тому же – мало ли кто увидит его. Кроме того, хотелось избавиться от всего, что напоминало тюрьму.

Странное чувство охватило его, когда, обнаженный, он стоял в лунном свете. Вдруг ему показалось, что он маленький заблудившийся ребенок. Он быстро поднял свежую рубашку,

лежавшую перед ним на траве, и надел ее. Темно-голубая рубашка практична – не так скоро загрязнится. В свете луны рубашка выглядела серовато-сиреневой. Он твердо решил не падать духом.

III

Под вечер Керн прибыл в Прагу. Оставив чемодан на вокзале, сразу пошел в полицию, но не для регистрации. Просто хотелось спокойно обдумать, что делать дальше. Для этого здание полиции было самым подходящим местом. Полицейские не устраивали там облав, не проверяли документы.

Он присел на скамью, прямо против дверей комнаты, где оформлялись бумаги иностранцев.

– Там сидит чиновник с бородкой клинышком? спросил он у мужчины, сидевшего рядом.

– Не скажу вам. Я тут знаю одного, но он без бороды.

– Ясно! Может, перевели на другую должность. А как они ведут себя в последнее время?

– Ничего, терпимо, – сказал мужчина. – Разрешают пожить здесь несколько дней. Очень уж много понаехало народу.

Керн прикидывал. Если ему разрешат остаться на несколько дней в Праге, он, возможно, получит в Комитете помощи беженцам талоны на питание и ночлег. Вероятно, на неделю. Это он знал еще по прошлому разу. А не дадут талонов, значит, снова угроза ареста и высылки через границу.

– Ваша очередь, – сказал мужчина, сидевший рядом.

Керн нерешительно взглянул на него.

– Хотите пойти первым? Мне не к спеху!

– Хорошо.

Мужчина встал и вошел в комнату. Керн решил дожидаться его возвращения и в зависимости от результата определить, как ему быть. Волнуясь, он прохаживался вперед и назад по коридору. Наконец мужчина вышел из комнаты. Керн быстро подошел к нему.

– Ну что?

– Десять суток! – ответил тот с сияющим лицом. – Какое счастье! И представьте – ни о чем не расспрашивал. Видать, в хорошем настроении. Или потому, что сегодня вообще мало посетителей. В прошлый раз мне дали только пять дней.

Керн решил.

– Что ж, попробую и я.

У чиновника не было бородки, и все же он показался Керну знакомым. Может, просто сбрил бороду. Играя изящным ножиком с перламутровыми накладками, он уставился на Керна усталым рыбьим взглядом.

– Эмигрант?

– Да.

– Прибыли из Германии?

– Да. Сегодня.

– Есть какие-нибудь документы?

– Нет.

Чиновник понимающе кивнул. Он защелкнул лезвия своего ножика и выдвинул отвертку. Керн заметил, что под перламутровой пластинкой имелась еще и пилка для ногтей. Чиновник принялся осторожно зачищать ею ноготь на большом пальце.

Керн ждал. Ему казалось, что нет на свете ничего важнее ногтя этого усталого человека, сидевшего перед ним. Он едва дышал, боясь помешать чиновнику или рассердить его. Тайком он крепко сомкнул ладони за спиной.

Наконец с ногтем было покончено. Чиновник удовлетворенно оглядел его и поднял глаза.

– Десять суток, – проговорил он. – Можете пожить здесь десять суток. А потом придется вам убраться.

Напряжение, охватившее Керна, мгновенно спало. Ему казалось, будто он куда-то проваливается, но он просто глубоко дышал. Затем он быстро овладел собой. Он уже научился пользоваться случаем.

– Я буду вам весьма признателен, если вы разрешите мне пробыть здесь две недели, – сказал он.

– Это нельзя. А зачем вам?

– Я должен получить документы. Их пришлют по почте. Для этого мне необходим определенный адрес. А потом я хотел бы выехать в Австрию.

Керн боялся в последнюю минуту испортить все, но уже не мог остановиться. Он врал легко и быстро. С той же охотой он говорил бы правду, но знал, что должен врать. Чиновник же, со своей стороны, знал, что должен принимать его вранье всерьез, ибо проверить слова Керна не представлялось возможным. Так что оба почти полностью верили, что их разговор – чистая правда.

Чиновник шелкнул отверткой ножа.

– Ладно, – сказал он. – Две недели. В виде исключения. Но уж потом никаких продлений.

Взяв листок бумаги, он начал писать. Керн смотрел на него так, точно перед ним сидел архангел. Все обошлось как нельзя лучше, и он с трудом осознал это. До последнего мгновения он опасался, как бы чиновник не заглянул в картотеку и не узнал из нее, что он уже дважды был в Праге. На всякий случай он назвал другое имя и другую дату рождения. В случае неудачи он мог бы заявить, что тогда здесь находился его брат.

Но чиновник притомился и явно не желал рыться в каких-то карточках. Он пододвинул листок на край стола.

– Вот, возьмите! Есть еще кто-нибудь в коридоре?

– По-моему, нет. По крайней мере только что за мной никого не было.

– Ладно.

Чиновник достал носовой платок и принялся любовно драить перламутровые накладки своего ножа. Он почти не заметил, что, поблагодарив его, Керн вышел с такой поспешностью, словно боялся, как бы у него не отняли бумажку.

Лишь очутившись на ступеньках перед входом в здание, Керн остановился и осмотрелся. О дивное небо, подумал он в полном упоении, о прелестное, о сладостное, голубое небо! Я вернулся, и меня не посадили! Четырнадцать дней я могу прожить без страха, целых четырнадцать дней и ночей, целую вечность! Благослови Господь человека с перламутровым ножиком! Пусть он найдет для себя ножик, в котором в дополнение ко всему будут еще и складные часики и золотые ножницы!

У входа стоял полицейский. Керн нащупал в кармане свое удостоверение. Вдруг он решительно подошел к полицейскому.

– Который час, господин постовой? – спросил он.

У него были свои часы. Но как же отказаться от такого редкостного переживания: стоять перед полицейским и не бояться его.

– Пять, – буркнул полицейский.

– Благодарю вас.

Керн медленно спустился по ступенькам. Хотелось рвануться с места и без оглядки помчаться вперед. Только теперь он поверил, что все действительно правда.

Большой зал ожидания Комитета помощи беженцам был переполнен. И все же каким-то странным образом он казался пустым. Словно тени, люди сидели или стояли в полумраке. Почти никто не разговаривал. Каждый из них уже сотни раз высказал и обсудил все, что его касалось. Теперь им оставалось только одно – ждать. Ожидание было последним барьером перед отчаянием.

Более половины присутствующих были евреи. Рядом с Керном сидел бледный мужчина с грушевидным черепом. На коленях он держал футляр для скрипки. Напротив примостился старик со шрамом на выпуклом лбу. Он беспокойно смыкал и размыкал ладони. Около него, тесно прижавшись друг к другу, сидели молодой блондин и смуглая девушка. Они крепко держались за руки, словно боясь, что и здесь их могут разлучить, если они зазеваются хоть на минуту. Они глядели куда-то в пространство, в прошлое, и глаза их были пустыми и лишенными всякого выражения. За ними сидела толстая женщина. Она беззвучно плакала. Слезы стекали по щекам и подбородку на платье. Она не замечала их, не пыталась их остановить. Руки вяло лежали на коленях.

Тут же, среди всей этой молчаливой покорности и печали непринужденно играл ребенок, девочка лет шести. Она бегала по залу, живая и нетерпеливая, с блестящими глазенками и черными кудрями.

Девочка остановилась перед мужчиной с грушевидной головой. Некоторое время она разглядывала его; потом указала на футляр, лежавший у него на коленях.

– У тебя там скрипка? – спросила она звонким, вызывающим голосом.

Мужчина ответил не сразу, словно не понял вопроса. Затем утвердительно кивнул.

– Покажи мне ее, – попросила девочка.

– Зачем тебе?

– Хочу посмотреть.

С минуту скрипач колебался. Потом открыл футляр и извлек из него инструмент, обернутый в фиолетовый шелк, бережно развернул ткань.

Девочка долго смотрела на скрипку. Затем осторожно подняла руку и дотронулась до струн.

– Почему ты не играешь? – спросила она.

Скрипач не ответил ей.

– Сыграй что-нибудь, – повторила девочка.

– Мириам! – послышался тихий, сдавленный голос женщины, сидевшей в другом конце зала и державшей на коленях младенца. – Мириам! Пойди сюда.

Девочка не слушала ее. Она продолжала смотреть на скрипача.

– Разве ты не умеешь играть?

– Умею...

– Тогда почему же ты не играешь?

Скрипач растерянно оглянулся. Большой натруженной рукой он держал гриф. Несколько человек, сидевших поблизости, внимательно наблюдали за ним. Он не знал, куда смотреть.

– Но не могу же я играть здесь! – сказал он наконец.

– Почему не можешь? – спросила девочка. – Играй, пожалуйста! Здесь так скучно.

– Мириам! – снова позвала мать.

– Ребенок прав, – сказал старик со шрамом на лбу, сидевший рядом со скрипачом. – Сыграйте. Может быть, музыка рассеет нас немного. К тому же это, вероятно, разрешено.

Скрипач все еще колебался. Потом взял из футляра смычок, натянул волос и приставил скрипку к плечу. Первый звук, ясный и чистый, поплыл по залу.

Керну почудилось, будто что-то коснулось его. Будто чья-то рука сместила в нем что-то. Хотелось преодолеть это ощущение, но он не мог. Этому сопротивлялась его кожа. Внезапно он почувствовал легкий озноб, и кожа стянулась. А потом как бы расправилась и вокруг разлилось сплошное тепло.

Дверь кабинета открылась. Из нее высунулась голова секретаря. Он вошел в зал, оставив дверь открытой. Стало светло – в кабинете горели яркие лампы. На фоне световой полосы четко вырисовывалась маленькая нескладная фигура секретаря. Казалось, он собирается что-

то сказать, но неожиданно он склонил голову набок и стал слушать. Дверь за ним закрылась медленно и бесшумно, словно притянутая невидимой рукой.

Осталась одна только скрипка. Ее звуки наполняли собой тяжелый, мертвый воздух зала, и казалось, она преображает все, – сплавляет воедино немое одиночество множества маленьких жизней, приютившихся в этих стенах, собирая их горе в одну великую общую жалобу и тоску.

Керн обхватил руками колени. Над опущенной головой плыли звуки, и у него было такое ощущение, будто этот поток смывает его, уносит куда-то – и к самому себе и к чему-то совсем чужому.

Маленькая черноволосая девочка уселась на полу перед скрипачом. Уставившись на него, она замерла в полной неподвижности.

Скрипка умолкла. Керн немного умел играть на рояле. Он достаточно разобрался в музыке и по достоинству оценил чудесную игру скрипача.

– Шуман? – спросил старик, сидевший около скрипача. Тот кивнул.

– Играй еще, – сказала девочка. – Сыграй что-нибудь веселое, тогда мы будем смеяться, а то здесь так грустно...

– Мириам! – тихо позвала мать.

– Хорошо, – сказал скрипач.

И снова смычок коснулся струн.

Керн посмотрел вокруг. Он видел склоненные и запрокинутые головы, бледные лица, видел печаль, отчаяние и мимолетное нежное озарение, как бы излучаемое скрипкой. Он вспоминал множество таких же приемных – сколько он их перевидал! – приемных, переполненных отверженными, виновными лишь в том, что они родились и жили на свете. И рядом со всем этим такая музыка! Это казалось непостижимым. Было в этом нечто бесконечно утешительное и вместе с тем страшно издевательское. Голова скрипача лежала на скрипке, словно на плече любимой. Все больше сгущались сумерки и зал погружался в темноту. Я не хочу погибнуть, подумал Керн, не хочу пойти ко дну, в жизни столько дикого и сладостного, я ее еще не знаю, она как мелодия, как зов, как крик над дальними лесами, над неизвестными горизонтами, в неведомой ночи... Я не хочу погибнуть!

Музыка стихла, но он не сразу заметил это.

– Что ты играл? – спросила девочка.

– Немецкие танцы Франца Шуберта, – хрипло ответил скрипач.

Старик, сидевший рядом, рассмеялся.

– Немецкие танцы! – Он потрогал свой шрам на лбу. – Немецкие танцы... – повторил он.

Секретарь повернул выключатель у двери.

– Следующий... – сказал он.

Керн получил направление в отель «Бристоль» и десять талонов на питание в студенческую столовую на Вацлавской площади. Взяв талоны, он внезапно почувствовал сильный голод. Почти бегом он устремился к столовой, боясь, что опоздает.

Он не ошибся. Все места были заняты и пришлось подождать. Среди столующихся он заметил одного из своих бывших университетских профессоров. Он уже хотел было подойти к нему и поздороваться, но, подумав, решил не делать этого. Он знал, что многим эмигрантам неприятны напоминания об их прежней жизни.

Вскоре в столовой появился скрипач и в нерешительности остановился. Керн кивнул ему. Скрипач удивленно взглянул на него и не торопясь подошел. Керн растерялся. Заметив скрипача, он почему-то решил, что уже давно знаком с ним. Теперь он сообразил, что они даже и словом не перекинулись.

– Извините, – сказал он. – Сегодня я слышал вашу игру, и сейчас мне показалось, что вы не знаете здешних порядков.

– Действительно не знаю. А вы?

– Я-то знаю. Был здесь уже дважды. Давно кочуете?

– Две недели. Только сегодня прибыл сюда.

Профессор и кто-то из его соседей по столику встали.

– Два места освободились, – быстро проговорил Керн. – Пойдемте!

Они стали пробираться между столиками. Навстречу им по узкому проходу шел профессор. Он неуверенно посмотрел на Керна и остановился.

– Мы с вами не знакомы?

– Я был одним из ваших учеников, – сказал Керн.

– Ах вот как... – профессор кивнул. – Скажите, вы не знаете людей, которым нужны пылесосы? Десять процентов скидки и выплата в рассрочку? Или патефоны?

Удивление Керна длилось недолго. Профессор был крупным авторитетом в области раковых заболеваний.

– Нет, к сожалению, не знаю, – сказал он с сочувствием. Ему было хорошо известно, каково торговать пылесосами и патефонами.

– Так я и думал, – профессор смотрел на него отсутствующим взглядом. – Простите, пожалуйста, – сказал он немного погодя, словно обращаясь к кому-то другому, и пошел дальше.

Им подали перловый суп с говядиной. Керн быстро съел свою порцию и посмотрел на скрипача. Тот сидел неподвижно, положив руки на стол. Он не прикоснулся к супу.

– Почему вы не едите? – удивился Керн.

– Не могу.

– Вы больны?

Лампы без абажуров струили резкий свет, и вытянутое лицо скрипача казалось совсем желтым.

– Нет, я здоров.

– Надо бы вам поесть, – сказал Керн.

Скрипач не ответил. Он закурил сигарету и сделал несколько торопливых, жадных затяжек. Потом отодвинул тарелку.

– Так жить невозможно! – вырвалось у него наконец.

Керн участливо посмотрел на него.

– У вас нет паспорта? – спросил он.

– Нет, паспорт у меня есть, но... – Скрипач нервным движением загасил окурок. – Но ведь так жить невозможно! Вот так, без всего! Без какой бы то ни было почвы под ногами!

– Бог мой! – сказал Керн. – Ведь у вас все-таки есть паспорт, есть скрипка...

Скрипач поднял глаза.

– Дело совсем не в этом! – раздраженно ответил он. – Неужели вы не понимаете?

– Понимаю.

Керн почувствовал огромное разочарование. Так чудесно играть может только совсем особенный человек, подумал он. Человек, у которого есть чему поучиться. И вот передо мной сидит ожесточенный мужчина, и пусть он на добрых пятнадцать лет старше меня, – все равно – я вижу в нем только капризного ребенка. Что ж, первая стадия эмиграции. Еще утихомирится.

– Вы правда не будете есть суп? – спросил он.

– Нет, не буду.

– Тогда отдайте его мне. Я еще голоден.

Скрипач пододвинул ему тарелку. Керн начал медленно есть. Каждая ложка таила в себе силу, столь необходимую, чтобы бороться и противостоять беде. Он не хотел лишиться ни одной крупинки этой силы. Окончив есть, он поднялся.

– Спасибо за суп, хотя мне было бы приятнее, если бы вы сами съели его.

Скрипач поднял глаза. Керн увидел лицо, изборожденное морщинами.

– Моего состояния вам, пожалуй, еще не понять, – заявил скрипач.

– Понять его легче, чем вы думаете, – возразил Керн. – Вы просто несчастливы, больше ничего.

– Больше ничего?

– Нет. Вначале все думают, будто в этом заключено что-то особенное. Поживете еще немного в эмиграции и поймете: несчастье – самая повседневная вещь на свете.

Керн вышел. К своему удивлению, на противоположном тротуаре он заметил профессора, расхаживающего взад и вперед. Керн хорошо помнил, как профессор, комментируя во время лекции какое-нибудь новое сложное открытие в области терапии рака, неизменно закладывал руки за спину и, слегка подавшись вперед, разгуливал перед кафедрой. Но теперь его мысли были, по-видимому, заняты только пылесосами и патефонами.

Керн колебался. Никогда он не решился бы ни с того ни с сего заговорить с профессором. Но теперь, после беседы со скрипачом, он подошел к нему.

– Господин профессор, – сказал он. – Извините, что осмеливаюсь беспокоить вас. Раньше я не поверил бы, что смогу дать вам совет. Но сейчас мне хотелось бы это сделать.

Профессор остановился.

– Охотно выслушаю вас, – рассеянно ответил он. – Весьма охотно. Я благодарен за всякий совет. Пойдите, как же это вас звали?

– Керн. Людвиг Керн.

– Благодарен за любой совет, господин Керн. Просто чрезвычайно благодарен, уверяю вас!

– Вряд ли это можно назвать советом. Просто у меня есть некоторый опыт. Вы хотите продавать пылесосы и патефоны. Бросьте это! Только время теряете. Сотни эмигрантов пытаются делать то же. Это так же бессмысленно, как искать людей, желающих страховать свою жизнь.

– Этим-то я как раз и хотел заняться вскоре, – с живостью перебил его профессор. – Кто-то сказал мне, что заниматься страхованием не так уж трудно и что тут можно кое-что заработать.

– И он предложил вам определенный процент за каждый страховой договор, не так ли?

– Разумеется. И даже хороший процент.

– И больше ничего? Никакой компенсации издержек, никакого твердого жалованья?

– Нет.

– То же самое могу вам предложить и я. Все это ровно ничего не значит. Скажите, господин профессор, вам уже удалось продать хоть один пылесос? Хоть один патефон?

Профессор беспомощно посмотрел на него.

– Нет, – сказал он с какой-то болезненной пристыженностью, – но надеюсь, в ближайшем будущем...

– Оставьте это, – прервал его Керн. – Вот вам мой совет. Раздобудьте немного шнурков для ботинок. Или несколько банок гуталина. Или десяток-другой пачек английских булавок. Мелочи, которые могут понадобиться каждому. Ими и торгуйте. Много на этом, конечно, не заработаете. Но время от времени кое-что удастся продать. Сотни эмигрантов занимаются этим. Английскую булавку легче продать, чем пылесос.

Профессор задумчиво посмотрел на него.

– Об этом я как-то не подумал.

Керн смущенно улыбнулся.

– Охотно верю. Но теперь подумайте. Так будет лучше. Уверяю вас. Раньше и я хотел продавать пылесосы.

– Возможно, вы правы. – Профессор протянул ему руку. – Благодарю вас. Вы очень любезны... – добавил он тихо, и голос его звучал заискивающе, словно у ученика, плохо выучившего урок.

Керн прикусил губу.

– Я не пропустил ни одной вашей лекции... – сказал он.

– Да, да, – профессор сделал неопределенный жест. – Благодарю вас, господин... господин...

– Керн. Но это не важно.

– Нет, это важно, господин Керн. Извините, пожалуйста. В последнее время я стал несколько забывчив. Еще раз большое спасибо. Я попытаюсь последовать вашему совету, господин Керн.

Отель «Бристоль» размещался в небольшом ветхом здании, арендуемом Организацией помощи беженцам. Керну отвели койку в комнате, где жили еще два эмигранта. После обеда он почувствовал сильную усталость и лег спать. Оба других постояльца отсутствовали. Он и не слышал, когда они пришли.

Ночью он проснулся от крика и мгновенно соскочил с постели. Не успев ни о чем подумать, схватил чемодан и одежду, распахнул дверь и побежал по коридору.

Здесь все было тихо. Добежав до лестничной площадки, Керн остановился, поставил чемодан и прислушался. Потом прижал кулаки к лицу. Где он? Что произошло? Где полиция?

Постепенно все вспомнил, посмотрел на свои босые ноги и, почувствовав облегчение, улыбнулся. Ведь он в Праге, в отеле «Бристоль», ему разрешено жить в городе целых две недели. Зачем же так пугаться? Вероятно, ему что-то приснилось. Он вернулся. Это не должно повторяться, подумал он. Только мне и не хватало, чтобы нервы расшалились. Тогда конец всему.

Он открыл дверь в темную комнату и ощупью добрался до кровати. Она стояла справа у стены. Тихо поставив чемодан, он повесил одежду на спинку. Потом нащупал одеяло и уже собрался было лечь, как вдруг рука его наткнулась на что-то мягкое, теплое, дышащее. В ту же секунду он резко выпрямился.

– Кто это? – послышался заспанный голос девушки.

Керн затаил дыхание. Он перепутал комнаты.

– Здесь есть кто-нибудь? – снова спросил голос.

Керн боялся шелохнуться и чувствовал, как покрывается холодной испариной.

Через некоторое время он услышал дыхание. Девушка повернулась на постели. Он подождал еще две-три минуты. Все было тихо. В темноте слышалось глубокое ровное дыхание. Керн бесшумно поднял чемодан и выбрался в коридор.

Теперь в коридоре, у двери комнаты Керна стоял мужчина в нижней рубаше. Он видел, как Керн вышел из соседнего номера, и разглядывал его сквозь очки. Керн окончательно смешался и не стал ничего объяснять. Не сказав ни слова, он прошел через открытую дверь мимо мужчины. Тот даже не посторонился. Керн положил свои вещи и улегся, предварительно ощупав рукой одеяло. Под ним никто не лежал.

Мужчина постоял еще с минуту в дверях. В тусклом свете коридора поблескивали его очки. Затем он вошел и громко захлопнул дверь.

В то же мгновение снова раздался крик. Теперь Керн понял все.

– Не бейте! Не бейте! Ради Христа, не бейте меня! Пожалуйста, прошу вас! О!..

Крик перешел в какой-то отчаянный хрип и внезапно смолк. Керн привстал.

– В чем дело? – спросил он в темноту.

Щелкнул выключатель и стало светло. Мужчина в очках подошел к третьей кровати. На ней лежал человек с блуждающим взглядом. Он был весь в поту и кряхтел. Мужчина взял стакан, налил в него воды и поднес к губам соседа.

– Выпейте. Вам что-то приснилось. Здесь вы в полной безопасности.

Человек жадно выпил воду. Резко двигался кадык на тощей шее. Затем он обессиленно откинулся на подушку, глубоко вздохнул и закрыл глаза.

– В чем дело? – снова спросил Керн.

Мужчина в очках подошел к его кровати.

– Вы спрашиваете, в чем дело? Просто человеку сон приснился. Эдакий громкий сон. Три недели назад его выпустили из концентрационного лагеря. Нервы. Понимаете?

– Понимаю, – сказал Керн.

– Вы живете здесь? – спросил мужчина в Керн утвердительно кивнул.

– Видимо, и я немного нервничаю. Когда он закричал в первый раз, я выбежал в коридор. Думал – полицейская облава. А потом перепутал комнаты.

– Ах вот что...

– Извините меня, пожалуйста, – сказал третий мужчина. – Теперь я уже не засну. Простите меня.

– Ерунда какая! – Человек в очках подошел к своей кровати. – Вы ничуть не мешаете нам. Мало ли кому что приснится? Разве не так, молодой человек?

– Конечно! Мне это совсем не помешало, – подтвердил Керн.

Щелкнул выключатель. Стало опять темно. Керн вытянулся. Он долго не мог уснуть. Как все было странно в соседней комнате. Нежная девичья грудь под тонкой простыней. Он все еще ощущал ее... словно его ладонь изменилась от этого прикосновения.

Потом он услышал, как человек, кричавший во сне, встал и уселся у окна. Его склоненная голова выделялась черным пятном на фоне забрезжившего мутного рассвета – словно какой-то мрачный памятник рабу. Некоторое время Керн смотрел на него. Потом его одолел сон.

Йозеф Штайнер без труда перешел границу в обратном направлении. Он хорошо знал ее и, как старый солдат, привык к ночному патрулированию. В войну он командовал ротой и еще в 1915 году был награжден орденом Железного креста за проведение опасного поиска, из которого вернулся с пленным.

Через час он был вне опасности и направился на станцию. В вагоне было немного пассажиров. Проводник удивленно взглянул на него.

– Уже обратно?

– Один билет до Вены, – ответил Штайнер.

– Быстро это у вас получилось, – сказал проводник.

Штайнер равнодушно посмотрел на него.

– Мне это знакомо, – продолжил проводник. – Каждый день доставляют несколько человек к границе. Поневоле запоминаешь. Прямо наказание какое-то. Ведь вы ехали в этом же вагоне. Что – уже позабыли?

– Не понимаю, о чем вы говорите.

Проводник рассмеялся.

– Прекрасно понимаете. Пройдите на заднюю площадку. Придет контролер – прыгнете. Впрочем, так поздно контроля, наверно, не будет. Так что сэкономите на билете.

– Хорошо.

Штайнер поднялся и прошел назад. Ветер обдувал его, и он смотрел на проносившиеся мимо огоньки маленьких деревушек. В них жили виноделы. Он дышал полной грудью и испытывал опьянение, сильнее которого не бывает, – опьянение свободой. Он чувствовал, как кровь разливается по жилам, чувствовал теплую силу мускулов. Он жил. Его не поймали. Он жил, он сумел улизнуть.

– Возьми сигарету, брат, – сказал он проводнику, пришедшему на площадку.

– Давай. Только сейчас мне нельзя курить. Служба.

– А мне закурить можно?

– Можно. – Проводник добродушно улыбнулся. – В этом твое преимущество передо мной.

– Да, – согласился Штайнер, втягивая в легкие терпкий дым. – В этом мое преимущество.

Он пошел в пансион, где его задержала полиция. Хозяйка еще сидела в конторе. Увидев Штайнера, она вздрогнула.

– Здесь вы жить не можете, – быстро проговорила она.

– Могу. – Штайнер снял рюкзак.

– Господин Штайнер, это невозможно! Того и гляди нагрянет полиция. Тогда они вообще закроют мой пансион!

– Луизочка, – спокойно ответил Штайнер, – лучшее укрытие на войне – воронка от только что разорвавшегося снаряда. Почти никогда еще не бывало, чтобы в нее сразу же попал второй снаряд. Поэтому в данный момент ваше заведение – одно из безопаснейших мест во всей Вене!

Хозяйка в отчаянии схватилась за свою белокурую голову.

– Вы погубите меня! – воскликнула она.

– Как это прекрасно! Давно уже я мечтаю погубить кого-нибудь! До чего же вы романтическая натура, Луизочка! – Штайнер огляделся. – Есть у вас еще немного кофе? И рюмка водки?

– Кофе? И водку?

– Да, Луизочка! Я знал, что вы меня поймете. Такая хорошая женщина! А бутылка со сливовицей еще стоит в шкафчике?

Хозяйка беспомощно поглядела на него.

– Конечно, стоит.

– Вот это мне как раз и нужно! – Штайнер достал бутылку и две рюмки. – Вы выпьете со мной?

– Я?

– Да, вы! А то кто же еще?

– Нет, не выпью!

– Выпейте, Луизочка! Сделайте одолжение. Пить одному – это как-то бессердечно. Вот... – Он наполнил рюмку и подал ей.

Поколебавшись, хозяйка взяла рюмку.

– Ладно, Бог с вами! Но вы здесь не будете жить, правда?

– Только несколько дней, – успокоил ее Штайнер. – Не больше чем несколько дней. Вы приносите мне счастье. Я кое-что задумал. – Он улыбнулся. – А теперь давайте кофе, Луизочка!

– Кофе? Нет у меня здесь кофе.

– Есть, деточка. Вон стоит на полке. Держу пари, что он хорош.

Раздосадованная хозяйка рассмеялась.

– Ведь вот вы какой, ей-богу! Между прочим, меня зовут не Луиза. Меня зовут Тереза.

– Тереза! Не имя, а мечта!

Хозяйка принесла ему кофе.

– Тут остались вещи старого Зелигмана, – сказала она, показывая на чемодан. – Что мне с ними теперь делать?

– Это тот самый еврей с седой бородой?

Хозяйка кивнула.

– Он умер. Так мне сказали. Больше ничего о нем не знаю...

– Достаточно знать о человеке хотя бы это. А где его дети?

– Понятия не имею! Не могу же я думать еще и о них!

– Это верно.

Штайнер подтянул к себе чемодан и открыл его. Оттуда выпало несколько пестрых мотков ниток. В чемодане лежал тщательно упакованный сверток со шнурками. Затем костюм, пара ботинок, книга на древнееврейском языке, немного белья, несколько картонок с роговыми пуговицами, кожаный мешочек с монетами в один шиллинг, ремни для молитвы и белый талес⁷, завернутый в шелковую бумагу.

– Не так уж много набралось после целой жизни, правда, Тереза? – сказал Штайнер.

– У иных и того меньше.

– Тоже верно. – Штайнер тщательно осмотрел древнееврейскую книгу и нашел записку, спрятанную в обложке. Он ее осторожно извлек и развернул. На листке был записан адрес.

– Понятно! Как-нибудь наведаюсь туда. – Штайнер встал. – Спасибо вам, Тереза, за кофе и сливовицу. Сегодня я вернусь поздно. Лучше всего поселите меня на первом этаже, в комнате, выходящей окном во двор. Тогда в случае чего я смогу быстро удрать.

Хозяйка хотела было что-то возразить, но Штайнер поднял руку.

– Нет-нет, Тереза! Если к моему приходу дверь не будет открыта, я приведу сюда всю венскую полицию. Но я уверен – дверь будет открыта! Сам Бог велел давать приют обездоленным. За это вам обеспечена тысяча лет величайшего блаженства в раю. Рюкзак я оставляю здесь.

Он ушел, понимая всю бесцельность продолжения разговора. Но он хорошо знал, как сильно действуют на психику человека буржуазного склада чужие вещи, оставленные в его доме. Рюкзак был, несомненно, лучшим квартирьером. Любые, пусть даже самые красноречивые уговоры возымели бы куда меньшее действие. Преодолеть сопротивление хозяйки можно было лишь одним способом – как бы незримо присутствуя у нее.

Штайнер явился в кафе «Шперлер», где надеялся встретить Черникова – русского, с которым сидел в тюрьме. Они условились ждать здесь друг друга в первый и второй день после освобождения Штайнера, в первом часу ночи. Русские эмигранты уже пятнадцать лет жили без подданства. В этом они были опытнее немцев. Черников обещал Штайнеру узнать, можно ли в Вене раздобыть фальшивые документы.

Штайнер присел к столику. Хотелось выпить, но никто из кельнеров не обращал на него внимания. Посетители обычно ничего не заказывали – большинство не имело ни гроша.

То была типичная эмигрантская биржа. В переполненном зале многие сидели на скамьях или стульях и спали. Другие устроились на полу, прислонившись спиной к стене, и дремали до закрытия заведения. Все-таки бесплатный ночлег. С пяти утра до полудня они бродили по улицам, ожидая, когда кафе откроется снова. Это были почти сплошь интеллектуалы – самые непригодные.

К Штайнеру подсел человек в клетчатом костюме и с круглым, как луна, лицом. С минуту он разглядывал его быстрыми черными глазками.

– Продаете что-нибудь? – спросил он затем. – Драгоценности? Старинные? Плачу наличными.

Штайнер отрицательно покачал головой.

– Костюмы? Белье? Обувь? – Человек в упор смотрел на него. – Может, обручальное кольцо?

– Отчаливай, стервятник! – буркнул Штайнер. Он ненавидел торгашей, стремившихся за гроши выудить у окончательно растерявшихся эмигрантов последнее добро.

Он подозвал пробежавшего кельнера.

– Алло! Рюмку коньяку!

Кельнер недоверчиво посмотрел на него и подошел к столику.

– Вы спрашиваете адвоката? Их здесь сегодня двое. Вон там в углу сидит адвокат Зильбер из Верховного суда земли Бранденбург. Консультация – один шиллинг. За круглым столиком у

⁷ Накидка, надеваемая при молитве (евр.)

входа – земельный советник юстиции Эпштайн из Мюнхена. Консультация – пятьдесят грошей. Между нами говоря, Зильбер будет получше.

– Не надо мне никакого адвоката, я попросил коньяк, – сказал Штайнер.

Кельнер приложил ладонь к уху.

– Я вас правильно понял? Вам коньяк?

– Да. Есть такой напиток. И он тем лучше, чем побольше рюмка.

– Слушаюсь. Простите, я немного туговат на ухо. А потом, знаете ли, как-то уже отвык.

Здесь спрашивают почти исключительно кофе.

– Хорошо. Тогда принесите коньяк в кофейной чашке.

Кельнер принес коньяк, но не отошел от столика.

– В чем дело? – спросил Штайнер. – Хотите посмотреть, как я пью?

– Положено платить вперед. У нас иначе нельзя. А то совсем обанкротимся.

– Ах так! Что ж, это справедливо!

Штайнер заплатил.

– Слишком много, – сказал кельнер.

– Все, что слишком много, – ваши чаевые.

– Чаевые? – Кельнер произнес это слово с каким-то особенным наслаждением, словно дегустировал его. – Боже мой! – сказал он растроганно. – Впервые за несколько лет! Очень вам благодарен, сударь! Я снова почувствовал себя человеком!

Через несколько минут в дверях показался русский. Он сразу заметил Штайнера и подсел к нему.

– Черников! А я уже было решил, что вас нет в Вене.

Русский рассмеялся.

– У нас вероятное всегда невероятно. Я разведал все, что вас интересует.

Штайнер быстро выпил коньяк.

– Документы есть?

– Есть. И даже очень хорошие. Лучшие из фальшивок, какие мне приходилось видеть за последние годы.

– Мне необходимо выбраться отсюда! – сказал Штайнер. – Необходимы документы! Лучше фальшивый паспорт и риск попасть на каторгу, чем эта каждодневная морока и бесконечные аресты. Что вам показали?

– Я был в «Алебарде». Именно там собираются эти люди. Те же, что и семь лет назад. На них можно положиться, они по-своему надежны. Правда, самый дешевый документ стоит четырехста шиллингов.

– Что за это дают?

– Паспорт умершего австрийца, действительный еще в течение целого года.

– Только одного года? А что потом?

Черников удивленно посмотрел на Штайнера.

– За границей его, быть может, удастся продлить. Или подделать дату умелой рукой.

Штайнер понимающе кивнул.

– Есть еще два паспорта умерших беженцев из Германии. Но те обойдутся по восемьсот шиллингов за штуку. Совершенно фальшивый паспорт стоит не менее полутора тысяч. Но их я бы не стал вам рекомендовать. – Черников стряхнул пепел. – От Лиги наций пока ждать ничего не приходится. А положение тех, кто прибыл сюда нелегально, без документов, и вовсе безнадежно. Нансен, исхлопотавший паспорта для нас, умер.

– Четыреста шиллингов, – сказал Штайнер. – У меня только двадцать пять.

– Можно поторговаться. Думаю, за триста пятьдесят отдадут.

– В сравнении с двадцатью пятью это одно и то же. Но ничего не поделаешь, придется каким-то образом достать деньги. Где находится «Алебарда»?

Русский вынул из кармана листок.

– Вот адрес. Вот имя кельнера, который посредничает в этих делах. Договоритесь с ним, и он вызовет вам этих людей по телефону. Кельнеру полагается дать пять шиллингов.

– Ладно. Подумаю, как взяться за дело. – Штайнер аккуратно сложил бумажку и спрятал ее. – Сердечно благодарю за услугу, Черников!

– Да ну что вы, ей-богу! – Русский протестующе поднял руку. – Люди помогают друг другу, когда это возможно. Ведь сам в любую минуту можешь оказаться в таком же положении.

– Да. – Штайнер встал. – Я снова разыщу вас здесь и доложу результат.

– Хорошо. В этот час я тут бываю частенько. Играю в шахматы с чемпионом Южной Германии. Вот он сидит напротив, курчавый. В нормальное время я никогда бы не удостоился чести играть с таким мастером. – Черников усмехнулся. – Шахматы моя слабость...

Штайнер простился с ним. Затем перешагнул через нескольких спящих молодых людей, лежавших с открытыми ртами у стены, и направился к двери. За столиком земельного советника юстиции Эпштайна сидела еврейка с опухшим лицом. Сложив руки, она взидала на вещавшего что-то и сугубо авторитетного Эпштайна, как на Бога, которому все же доверяться не стоит. На столике лежала приготовленная монетка в пятьдесят грошей. Рядом с ней покоилась волосатая левая рука Эпштайна, похожая на огромного паука, подстерегающего добычу.

Выйдя на улицу, Штайнер вздохнул свободно. После мертвого, задымленного воздуха кафе, после всей этой безрадостной атмосферы мягкий ночной ветерок подействовал на него, как вино. Надо вырваться отсюда, подумал он, вырваться любой ценой! Он взглянул на часы. Было уже поздно, но он все же решил попытаться разыскать шулера.

Маленький бар, который указал ему шулер, был почти пуст. Лишь две расфуфыренные девицы восседали на высоких табуретах за стойкой, точно попугаи на никелевом шесте.

– Фреда здесь не было? – спросил он у бармена.

– Фреда? – Бармен пристально поглядел на него.

А зачем вам Фред?

– Хочется прочесть с ним «Отче наш», понимаешь, брат. Больше вопросов нет?

Бармен на мгновение задумался.

– Он ушел с час назад, – сказал он.

– Вернется еще?

– Понятия не имею.

– Хорошо. Тогда я подожду. Дайте мне рюмку водки.

Штайнер прождал около часа, прикидывая, что бы он мог продать. Выходило, что больше семидесяти шиллингов ему никак не наскрести.

Девицы не проявили к нему интереса. Смерив его беглым взглядом, они посидели еще немного и, покачивая бедрами, вышли на улицу. Бармен взял стаканчик с костями и принялся кидать их на стойку.

– Сыграем? – спросил Штайнер.

– Чего ж, давайте!

Они бросили кости. Штайнер выиграл. Бросили снова. Два раза подряд Штайнер выбросил по шестерке.

– Сегодня мне как будто везет, – сказал он.

– Вам вообще везет, – сказал бармен. – Как у вас с точки зрения астрологии?

– Этого не знаю.

– Похоже, что созвездие Льва. У вас, по меньшей мере, Солнце в созвездии Льва. В этом я кое-что смыслю. Ну, давайте в последний раз, хотите? Фред все равно уже не придет. Никогда он не приходил так поздно. Ему необходим спокойный сон – тогда и рука будет спокойной.

Они снова бросили кости. Штайнер опять выиграл.

– Вот видите, – удовлетворенно заметил бармен и дал ему пять шиллингов. – Безусловно, Льва. При очень сильном Нептуне, как я полагаю. В каком месяце вы родились?

– В августе.

– Ну, тогда вы типичный Лев. У вас блестящие перспективы на этот год!

– В таком случае я готов сразиться с целой тысячей львов. – Штайнер допил свою рюмку. – Не скажете ли вы Фреду, что заходил Штайнер и спрашивал его? Завтра опять загляну.

– Хорошо, скажу.

Штайнер пошел обратно в пансион. Путь был долог и улицы пусты. Над городом раскинулось звездное небо. Время от времени доносился тяжкий аромат сирени. Боже мой, Мари, подумал он, ведь не может все это тянуться вечно...

IV

Керн вошел в аптекарский магазин близ Вацлавской площади. В витрине он обнаружил несколько флаконов туалетной воды с этикеткой лаборатории его отца.

– Туалетная вода «Фарр»! – Керн вертел в руке флакон, поданный ему провизором. – Откуда она у вас?

Провизор пожал плечами.

– Точно я не помню. Кажется, из Германии. Давно уже получили. Вы хотите купить этот флакон?

– Не один, а шесть.

– Шесть?

– Да, для начала. Потом куплю еще. Для перепродажи. Но я, разумеется, рассчитываю на скидку.

Провизор изумленно уставился на Керна.

– Вы эмигрант? – спросил он.

Керн поставил флакон на стойку.

– Знаете что, – сказал он с досадой, – этот вопрос уже порядком надоел мне, особенно когда его задают штатские. У меня в кармане вид на жительство. Скажите лучше, какую скидку вы мне предлагаете?

– Десять процентов.

– Это просто смешно. Что же я тогда заработаю?

– Можете взять эти флаконы со скидкой в двадцать пять процентов, – сказал подошедший хозяин магазина. – А возьмете десять штук, уступлю все тридцать процентов. Мы только рады избавиться от завали.

– От завали? – Керн оскорбленно посмотрел на хозяина. – Такая великолепная туалетная вода! Неужели вы этого сами не знаете?

Хозяин равнодушно поковырял пальцем в ухе.

– Может быть. В таком случае вы, конечно, удовлетворитесь и двадцатью процентами.

– Тридцать – это минимум. Качество тут ни при чем. Вы вполне можете сделать мне скидку в тридцать процентов. От этого туалетная вода не станет хуже. Разве не так?

Провизор скривил губы.

– Все марки туалетной воды одинаковы. Хороши лишь те, которые побольше рекламируют. Вот вам и весь секрет.

– Смею вас заверить, что эту воду уже давно никто не рекламирует. Так что, если судить по рекламе, она очень плоха. Будет только справедливо отдать ее мне со скидкой в тридцать пять процентов.

– Тридцать, – ответил хозяин. – Иногда ее все-таки спрашивают.

– Господин Бурек, – сказал провизор. – Думаю, что можно ему уступить тридцать пять процентов, если заберет сразу дюжину флаконов. Ведь этой водой изредка интересуется только один человек. Да и то не покупает ее, а все норовит продать нам рецепт.

– Рецепт? Господи помилуй, только этого нам не хватало! – Бурек пренебрежительно махнул рукой.

– Рецепт? – Керн насторожился. – Кто же это хочет продать вам рецепт?

Провизор рассмеялся.

– Есть такой человек. Он утверждает, будто прежде был владельцем парфюмерной лаборатории. Вранье, конечно. Чего только не брешут эмигранты!

На мгновение у Керна перехватило дыхание.

– Вы не знаете, где он живет? – спросил он.

Провизор пожал плечами.

– Кажется, у нас где-то завалялся его адрес. Он оставлял его несколько раз. А почему вы спрашиваете?

– Мне думается, что это мой отец.

Оба изумленно вытаращились на Керна.

– Неужели? – спросил провизор.

– Да, мне кажется, это он. Я его уже давно разыскиваю.

– Берта! – взволнованно обратился хозяин к женщине, работавшей за конторкой в глубине магазина. – Есть у нас еще адрес господина, который хотел продать нам рецепт туалетной воды?

– Вы имеете в виду господина Штрана или этого старого болтуна – помните, он несколько раз заходил сюда? – откликнулась женщина.

– Видали, как разговаривает! – Хозяин смущенно посмотрел на Керна. – Извините, пожалуйста! – Он быстро направился к конторке.

– Так бывает всегда, когда спишь со своими служащими, – угрюмо бросил ему вдогонку провизор.

Через некоторое время хозяин вернулся с листком бумаги. Он тяжело дышал.

– Вот адрес. Это некий господин Керн. Зигмунд Керн.

– Мой отец!

– Правда? – Хозяин подал Керну листок. – Вот адрес. В последний раз он заходил недели три назад. Еще раз прошу вас – извините ее за эту реплику... Сами понимаете...

– Это не важно. Я сразу же пойду туда. А насчет флаконов загляну в другой раз.

– Разумеется! С этим можно повременить.

Дом, в котором предположительно жил отец Керна, находился на Тузаровой улице, недалеко от крытого рынка. На темной лестнице пахло плесенью и капустой.

Керн медленно поднимался по ступенькам. Странно, но он почему-то боялся увидеть отца после такой долгой разлуки – он уже слишком привык к тому, что никогда ничто не меняется к лучшему.

На площадке четвертого этажа он позвонил. Вскоре за дверью послышалось шарканье. Кто-то отодвинул картон, загораживающий смотровой глазок. Сквозь стекло Керн увидел черный глаз, обращенный на него.

– Кто там? – спросил ворчливый женский голос.

– Я хочу повидать человека, который живет здесь, сказал Керн.

– Никто здесь не живет.

– Как никто! Ведь вы-то здесь живете! – Керн посмотрел на табличку. – Госпожа Мелани Эковски, не так ли? Но я не с вами хочу говорить.

– Ну так в чем же дело?

– Я хочу поговорить с мужчиной, который живет здесь.

– Никакого тут нет мужчины.

Керн посмотрел на круглый черный глаз. Возможно, она сказала правду, и его отец уже давно выехал отсюда. Внезапно он почувствовал пустоту и разочарование.

– А как его зовут? – спросила женщина за дверью.

С новой надеждой Керн поднял глаза.

– Не могу же я кричать на всю лестницу. Откройте дверь, и я скажу вам.

Глаз за стеклянным кружочком исчез. Звякнула цепочка. Настоящая крепость, подумал Керн. Он почти не сомневался, что его отец все еще обитает здесь, иначе хозяйка не стала бы его расспрашивать.

Дверь отворилась. Плотная чешка, краснощекая и широколицая, оглядела его с головы до ног.

– Я хотел бы повидать господина Керна.
– Керна? Не знаю такого. Тут он не живет.
– Господина Зигмунда Керна. А меня зовут Людвиг Керн.
– Вот как? – Женщина смерила его недоверчивым взглядом. – Это всякий может сказать. Керн извлек из кармана свой вид на жительство.
– Вот, взгляните, пожалуйста, на эту бумагу. По ошибке в ней проставлено неправильное имя. Но прочитайте фамилию.
Женщина внимательно изучала документ. Это длилось долго. Потом вернула его.
– Родственник?
– Да. – Керну не хотелось говорить больше. Что-то удерживало его. Теперь он не сомневался, что его отец здесь.
Наконец хозяйка решилась.
– У меня он не живет, – отрезала она.
– Хорошо, – сказал Керн. – Тогда запомните мой адрес: отель «Бристоль». В Праге я пробуду всего несколько дней. Перед отъездом я бы хотел повидать господина Зигмунда Керна. Мне нужно передать ему кое-что, – добавил он, многозначительно посмотрев на хозяйку.
– Вот как?
– Да. Значит, отель «Бристоль». Людвиг Керн. Всего хорошего.
Он спустился по лестнице. Господи, подумал он. Настоящий чербер! Охраняет отца! Впрочем, лучше охранять, чем предать.
Он вернулся в парфюмерный магазин. Хозяин бросился к нему.
– Нашли вы своего отца? – На его лице было написано любопытство человека, который не желает упустить ни одной сенсации.
– Еще нет, – ответил Керн с внезапным чувством неприязни. – Но он живет там. Просто не застал его.
– Ведь надо же! И чего только не бывает на свете!
Хозяин положил руки на стол и начал было пространно рассуждать о странных случаях в жизни людей.
– Для нас, эмигрантов, все это не так, – сказал Керн. – Для нас случайность – совсем другое: это когда вдруг происходит нечто вполне нормальное. Как насчет туалетной воды? Для начала могу взять только шесть флаконов. На остальное пока не хватит денег. Какова скидка?
На мгновение хозяин задумался. Затем великодушно объявил:
– Тридцать пять процентов. Такое случается не каждый день.
– Хорошо.
Керн расплатился. Провизор упаковал флаконы. Между тем женщина, которую звали Берта, подошла поближе, чтобы посмотреть на молодого человека, нашедшего своего отца. Ее челюсти шевелились, словно она что-то жевала.
– И еще хочу сказать, – заметил хозяин, – что эта туалетная вода очень хороша. Правда, очень хороша.
– Благодарю! – Керн взял пакет. – Надеюсь вскоре прийти и за остальными флаконами.
Керн вернулся в отель. Войдя в свой номер, развернул пакет и положил в портфель два флакона туалетной воды, несколько кусков мыла и с десяток пузырьков с дешевыми духами. Хотелось сразу же попытаться продать что-нибудь.
Он открыл дверь в коридор и увидел, как из соседней комнаты вышла девушка среднего роста в светлом платье. Под мышкой она держала пачку книг. Сначала Керн не обратил на нее внимания. Он обдумывал, какую бы назначить цену на туалетную воду. Но вдруг он сообразил, что девушка вышла из той самой комнаты, куда он по ошибке забрел ночью. Керн остановился. Он испугался – вдруг она узнает его.

Не оборачиваясь, девушка пошла вниз по лестнице. Керн постоял еще немного и затем быстро зашагал по коридору вслед за ней. Очень захотелось узнать, какое у нее лицо.

Спустившись вниз, он осмотрелся. Девушки нигде не было видно. Он вышел из парадного и поглядел направо и налево. Никого. На пустынную улицу падал неяркий, словно пыльный свет. Две овчарки играли на мостовой.

Керн вернулся в отель.

– Никто не выходил только что? – спросил он портье, исполнявшего также обязанности кельнера и рассыльного.

– Кроме вас, никто! – портье выжидательно уставился на Керна. Ему казалось, что его шутка должна вызвать взрыв неудержимого хохота.

Керн не рассмеялся.

– Я имею в виду девушку, – сказал он. – Молодую даму.

– Дамы здесь не живут, – хмуро ответил портье, оскорбленный недооценкой его блистательного остроумия. – Только женщины.

– Значит, никто не вышел?

– Вы что – из полиции? Зачем вам такие подробности? – Теперь в голосе портье звучала открытая враждебность.

Керн удивленно посмотрел на него, не понимая, чем тот недоволен. Достав из кармана пачку сигарет, он предложил ему закурить.

– Благодарю, – ледяным тоном процедил парень. **Курю** сигареты получше.

– Охотно верю.

Керн спрятал сигареты. Он постоял еще с минуту, прикидывая, куда же могла деваться девушка. Вероятно, она еще в отеле, может, в холле? Он пошел обратно.

Узкий, длинный холл выходил на цементированную террасу, откуда можно было спуститься в палисадник, обнесенный оградой. Здесь росло несколько кустов сирени.

Керн посмотрел через стеклянную дверь. Девушка сидела за столиком и читала. Кроме нее в холле не было никого. Керн открыл дверь и вошел – поступить иначе он просто не мог.

Услышав скрип двери, девушка оглянулась. Керн растерялся.

– Добрый вечер, – неуверенно проговорил он.

Девушка посмотрела на него, кивнула головой и снова принялась за чтение.

Керн уселся в углу. Через некоторое время он встал и взял себе несколько газет. Вдруг он показался себе смешным, уж лучше бы снова выйти на улицу. Но как же так – встать ни с того ни с сего и удалиться? Теперь это казалось почти невозможным.

Керн начал перелистывать газеты. Потом заметил, что девушка достала из сумочки серебряный портсигар, открыла его, но тут же защелкнула и снова спрятала. Портсигар был пуст.

Керн быстро отложил газеты и поднялся.

– Я вижу, вы забыли сигареты, – сказал он. – Позвольте выручить вас.

Он достал свою пачку. Был бы у него сейчас изящный портсигар! Пачка была смята и надорвана. Он протянул ее девушке.

– Не знаю, правда, любите ли вы этот сорт. Портье только что отказался от них. Для него они слишком плохи.

Девушка взглянула на этикетку.

– Как раз их-то я и курю, – сказала она.

Керн улыбнулся.

– Они самые дешевые из всех. Считайте, что каждый из нас рассказал другому историю своей жизни.

Девушка внимательно посмотрела на него.

– Мне кажется, наш отель и без того рассказывает историю жизни всех своих обитателей.

– Это верно.

Керн дал ей огня. Слабое красноватое пламя осветило узкое смуглое лицо с густыми черными бровями. Глаза ее были большие и светлые, губы – сочные и мягкие. Керн не мог бы сказать, хороша ли эта девушка, нравится ли ему; но он испытывал какое-то странное чувство едва уловимой и как бы отдаленной общности с ней – ведь его ладонь лежала на ее груди еще до их знакомства, когда он перепутал комнаты. Теперь он смотрел, как вздымается эта грудь, и вдруг, понимая, как это глупо, сунул руку в карман.

– Давно уже вы из дому? – спросил он.

– Два месяца.

– Это немного.

– Это бесконечно много.

Керн удивленно посмотрел на нее.

– Впрочем, вы правы, – сказал он, подумав. – Два года – немного. Но два месяца – бесконечный срок. Однако тут есть и свое преимущество: чем дольше это длится, тем быстрее бежит время.

– А по-вашему, это долго продлится? – спросила девушка.

– Не знаю. Стараюсь об этом не думать.

– А я не перестаю.

– И со мной так было в первые месяцы.

Девушка молчала. Задумчиво склонив голову, она курила медленно и глубоко затягиваясь. Керн разглядывал пышные, чуть волнистые черные волосы, обрамлявшие ее лицо. Очень хотелось сказать какие-то особенные, остроумные слова, но ничто не приходило на ум. Он пытался припомнить, как в подобной ситуации ведут себя великосветские герои известных ему романов, но память его точно иссякла. Да и герои эти, пожалуй, никогда бы не очутились в пражском отеле для эмигрантов.

– Не слишком ли темно для чтения? – сказал он наконец.

Девушка вздрогнула, словно унеслась мыслями куда-то далеко-далеко. Потом захлопнула книгу.

– Нет, не очень. Но я не хочу больше читать. Это бессмысленно.

– Чтение иной раз отвлекает, – сказал Керн. – Если мне попадается детектив, я его прочитываю в один присест.

Девушка устало улыбнулась.

– Это не детектив, а учебник по неорганической химии.

– Вот как! Вы учились в университете?

– Да. В Вюрцбурге.

– А я учился в Лейпциге. Тоже возил с собой учебники. Не хотелось ничего забывать. Но потом я их продал. Слишком тяжелый багаж. На вырученные деньги купил туалетную воду и мыло. Для продажи. Этим и кормлюсь.

Девушка растерянно взглянула на него.

– Не сказала бы, что вы меня особенно ободряете.

– Я вовсе не хотел обескуражить вас, – быстро проговорил Керн. – У меня все было совсем по-другому. Я не имел вообще никаких документов. А у вас, вероятно, есть паспорт.

Девушка кивнула.

– Паспорт у меня есть. Но через шесть недель его срок истекает.

– Это не важно. Вам его наверняка продлят.

– Не думаю.

Девушка встала.

– Хотите еще сигарету? – спросил Керн.

– Нет, спасибо. Я и так слишком много курю.

– Кто-то однажды сказал, бывают минуты, когда сигарета дороже любых идеалов.

– Это точно. – Девушка улыбнулась и вдруг показалась Керну очень красивой. Он много бы отдал, чтобы поговорить с ней еще, но не знал, как задержать ее.

– Если смогу вам чем-нибудь помочь, – торопливо сказал он, – то охотно сделаю это. В Праге я знаю все. Был тут уже дважды. Меня зовут Людвиг Керн, и я живу в комнате справа от вас.

Девушка искоса взглянула на него, и Керну показалось, что он выдал себя с головой. Но она непринужденно протянула ему руку. Он почувствовал крепкое пожатие.

– Охотно обращаюсь к вам, если чего-то не буду знать, – сказала она. – Большое вам спасибо.

Взяв свои книги со стола, она направилась к лестнице и поднялась наверх. Керн посидел еще немного в холле. Теперь он уже знал, что именно следовало ей сказать.

– Давайте еще разок, Штайнер, – сказал шулер. – Видит Бог, я волнуюсь за ваш дебют в забегаловке напротив больше, чем когда сам играю в Жокейском клубе.

Они сидели в баре и проводили генеральную репетицию. Для начала Фред хотел стравить Штайнера с несколькими второстепенными шулерами в кабачке, расположенном через дорогу. Штайнер не видел другого способа раздобыть деньги, не считая, конечно, воровства или крупного грабежа.

С полчаса они отрабатывали трюк с козырями. Наконец карманник заявил, что он доволен, и встал.

На нем был смокинг.

– Спешу в оперу. Сегодня там большая премьера. Поет Лотта Леман. Настоящее большое искусство всегда помогает нам работать. Люди делаются сами не свои, понимаете? Витают где-то... – Он протянул Штайнеру руку. – Между прочим... забыл спросить – сколько у вас денег?

– Тридцать два шиллинга.

– Мало. Им надо показать больше, иначе не клонут. – Он достал из кармана бумажку в сто шиллингов.

– Вот этим расплатитесь за кофе; тогда кто-нибудь заметит и наверняка подойдет к вам. Деньги передадите хозяину для меня. Мы с ним знакомы. И главное: не затягивайте игру и будьте особенно внимательны, когда появятся четыре королевы! Ни пуха ни пера!

Штайнер взял кредитку.

– Если я проиграю эти деньги, мне никогда не удастся рассчитаться с вами.

Карманник пожал плечами.

– Что ж, значит, они пропадут. Любого художника может постигнуть неудача. Но вы не проиграете. Я этих ребят хорошо знаю. Им подавай неотесанных деревенских мужланов. Вообще не тот класс! Вы нервничаете?

– По-моему, нет.

– Даже если бы и нервничали, все равно у вас больше шансов: ведь они-то не знают, что и вы чего-то кумекаете. Пока догадаются, сами влипнут и уже вряд ли сумеют выпутаться. Значит, пока!

– Пока!

Штайнер направился в кабачок. По дороге он подумал, что все довольно странно: никто не доверил бы ему и четверти суммы, которую шулер выложил не задумываясь. Всегда одно и то же! Ну и слава Богу!

В первом зале кабачка разыгрывалось несколько партий в тарок. Штайнер присел к окну и заказал рюмку водки. Не спеша извлек из бокового кармана бумажник, в который для солидности сунул пачку листов бумаги, и подал кельнеру сотенный билет.

Минуту спустя к нему подошел тощий человек и предложил сыграть в покер. Штайнер со скучающим видом отказался. Тот стал его уговаривать.

– У меня слишком мало времени, – объяснил Штайнер. – Не более получаса, тут не разыграешься.

– Что вы, что вы! – возразил тощий, обнажив порченные зубы. – Иной раз, уважаемый сосед, за полчаса можно нажать целое состояние!

Штайнер глянул на двух других партнеров, сидевших за столиком рядом. Один был толст и лыс, другой – смугл, волосат и с огромным носом. Оба равнодушно смотрели на него.

– Ну что ж, разве что на полчаса, – неуверенно проговорил Штайнер. – Ладно, давайте попробуем.

– Конечно же, конечно! – воскликнул тощий.

– И я смогу выйти из игры, когда захочу?

– Само собой, господин сосед! Когда пожелаете.

– Даже если выиграю?

Толстяк слегка скривил губы и переглянулся с волосатым: вот, мол, попался простофиля.

– Именно тогда-то и надо выходить из игры, сосед, – проблеял тощий.

– Что ж, ладно.

Штайнер подсел к ним. Толстяк перетасовал карты и сдал. Штайнер выиграл несколько шиллингов. Перетасовывая колоду, он незаметно ощупал края карт. Потом снял в том месте, которое показалось ему подозрительным. Подозвав кельнера и слегка повернувшись к нему, чтобы заказать сливовицу, он обнаружил, что внизу снятой им половины колоды находились короли. Они были слегка обрезаны. Затем он опять честно перетасовал всю колоду и сдал.

Через четверть часа он выиграл около тридцати шиллингов.

– Неплохо, неплохо! – проблеял тощий. – Не увеличить ли нам ставку?

Штайнер кивнул. Он снова выиграл. Затем сдавал толстяк. У него были пухлые розовые руки, пожалуй, слишком маленькие для этого трюка. Но Штайнер заметил, что тот все-таки очень ловко проделывает его. Он взял свои карты. Три королевы.

– Сколько? – спросил толстяк, покусывая кончик сигары.

– Четыре, – сказал Штайнер и заметил, что его партнер озадачен: видимо, рассчитывал на меньший прикуп. Толстяк пододвинул ему четыре карты. Первая же из них оказалась недостающей четвертой королевой. Он сделал вид, что ему нечем ходить, и, пробормотав: «Проклятие! Проторговался!», швырнул карты на стол. Его партнеры переглянулись и тоже спасовали.

Штайнер понимал, что только активная игра сулит успех. Если сдавать самому, то его шансы будут один к трем. Карманник был прав. Надо действовать побыстрее, пока противники еще ничего не разгадали.

Он проделал трюк с тузом. Тощий пошел против него и проиграл. Штайнер посмотрел на часы.

– Мне нужно спешить. Последняя партия.

– Погодите, погодите, господин сосед! – буркнул тощий. Два других ничего не сказали.

В следующей партии Штайнер при первой же сдаче получил четырех королей. Он прикупил карту. Девятка. Волосатый прикупил две карты. Штайнер заметил, что тщедушный подал их легким рывком ладони снизу. Он понял, в чем дело, но все-таки взвинтил ставку до двадцати шиллингов и затем сдался. Волосатый украдкой взглянул на него и взял банк.

– Какая же у вас была карта? – твякнул тощий и быстро перевернул карты Штайнера. – Четыре королевы! И вы пасуете! Господи милосердный! Да ведь в ваших руках были все деньги мира! А у вас что было? – спросил он волосатого.

– Три короля, – угрюмо сказал тот.

– Вот видите! Видите! Вы бы выиграли, господин сосед! А насколько бы вы подняли ставку при трех королях?

– При трех королях я бы взлетел до луны, – довольно мрачно ответил волосатый.

– Я ошибся, – сказал Штайнер. – Мне показало, что у меня только три королевы. Одну принял за валета.

– Ну, знаете ли!

Волосатый сдал. Штайнеру достались три короля. Четвертого он прикупил, предложил пятнадцать шиллингов и затем спасовал. Тощий втянул воздух с каким-то булькающим призвуком. Штайнер выиграл около девяноста шиллингов. Оставались еще две партии.

– А теперь какие у вас карты, господин сосед?

Тщедушный попытался было снова перевернуть карты Штайнера, но тот хлопнул его по руке.

– У вас что – мода такая?

– Извините. Любопытно все-таки... как ни говорите.

В следующей игре Штайнер проиграл восемь шиллингов. Рисковать больше не стоило. Затем взял карты и принялся их тасовать. Он был очень внимателен – все четыре короля оказались внизу колоды, и трех из них ему удалось сдать толстяку. Волосатый стал для видимости торговаться. Толстяк потребовал карту. Штайнер дал ему последнего короля. Толстяк причмокнул губами и переглянулся с двумя другими. Штайнер использовал это мгновение, чтобы проделать трюк с тузами. Отбросив три карты, взял себе последние два туза, лежавшие сверху.

Толстяк предложил повысить ставку. Штайнер положил свои карты и неуверенно согласился. Волосатый удвоил ставку. При ста десяти шиллингах он сошел с круга. Толстяк довел ставку до ста пятидесяти. Немного поколебавшись, Штайнер принял ее. Теперь у толстяка были все четыре короля – это он знал. Но какая же у него последняя карта? Если джокер, то все пропало. Тощий беспокойно ерзал на стуле.

– Можно заглянуть? – Он хотел было схватить карты Штайнера.

– Нет, нельзя! – Штайнер прикрыл карты ладонью. Эта наивная наглость удивила его. Легкими ударами ноги под столом тощий мог бы сразу же протелеграфировать толстяку весь состав его карт.

Толстяк начал нервничать. Штайнер вел себя до сих пор весьма осторожно, следовательно, в запасе у него должны быть солидные карты. Беспокойство партнера не ускользнуло от Штайнера, и он еще больше повысил ставку. При ста восьмидесяти шиллингах толстяк решил остановиться и выложил на стол четырех королей. Штайнер облегченно вздохнул и показал свои четыре туза.

Тощий присвистнул. Затем воцарилась полная тишина, и Штайнер принялся рассовывать деньги по карманам.

– Мы сыграем еще один тур, – неожиданно и твердо заявил волосатый.

– Очень сожалею, – но у меня уже нет времени, – ответил Штайнер.

– Мы сыграем еще один тур, – повторил волосатый и выставил подбородок.

Штайнер поднялся.

– В следующий раз.

Он подошел к стойке и расплатился. Затем сунул хозяину сложенную кредитку в сто шиллингов.

– Передайте это, пожалуйста, Фреду.

Хозяин изумленно вскинул брови.

– Фреду?

– Да.

– Хорошо. – Хозяин ухмыльнулся. – Влипли ребятки! Думали поймать треску, а напорлись на акулу!

Трое партнеров Штайнера встали у дверей.

– Мы сыграем еще один тур, – сказал волосатый и загородил выход.

Штайнер посмотрел на него в упор.

– Так дело не пойдет, господин сосед, – забубнил тощий. – Совершенно исключается, сэр!
– К чему морочить друг другу голову! – сказал Штайнер. – Война есть война. Иной раз приходится проигрывать.

– Только не нам! – возразил волосатый. – Мы сыграем еще один тур!

– Или верните нам то, что вы выиграли, – добавил толстяк.

Штайнер отрицательно покачал головой.

– Мы вели честную игру, – сказал он с иронической усмешкой. – Вы знали, чего вы хотите, а я знал, чего хочу я. Всего хорошего!

Он попытался пройти между тощим и волосатым. При этом он ощутил тугую мускулатуру последнего.

В этот момент к ним подошел хозяин.

– Господа, прошу не поднимать шума в моем кафе!

– Я также против шума, – заметил Штайнер. – Я хочу уйти.

– Тогда пойдем и мы, – сказал волосатый.

Тощий и волосатый пошли вперед, за ним следовал

Штайнер. Толстяк замыкал шествие. Штайнер понимал, что опасен только волосатый. Пройдя вперед, он допустил явную ошибку. Едва оказавшись за дверью, Штайнер, не оглядываясь, пнул толстяка ногой в живот и изо всех сил, точно молотком, грохнул волосатого кулаком в затылок. Тот повалился вниз по ступенькам на тощего. Одним прыжком Штайнер очутился на тротуаре и, не дав им опомниться, понесся по улице. Он понимал, что для него это единственный шанс – на улице он бы с тремя не справился. Он слышал крики и оглянулся на бегу. Никто не преследовал его. Они были слишком опарашены.

Штайнер перешел на шаг и вскоре выбрался в более оживленный район. Остановившись перед зеркалом магазина дамских мод, он оглядел себя. Шулер и обманщик, подумал он. Но зато у меня уже есть полпаспорта... Дружески подмигнув себе, он пошел.

V

Керн сидел на стене старого еврейского кладбища и при свете уличного фонаря пересчитывал выручку. Весь день он торговал в районе Хайлигенкройцберг. То был бедный район, но Керн знал, что беднота милосердна и никогда не позовет полицию. Ему удалось заработать целых тридцать восемь крон. Удачный день!

Он спрятал деньги и с трудом прочитал надпись на выветрившемся надгробном камне, косо прислоненном к стене.

– Рабби Израэль Лёв, – произнес Керн, – ты умер давным-давно и, несомненно, был высокообразованным человеком; теперь же ты – всего лишь горстка праха. Как, по-твоему, я должен поступить? Удовлетвориться тем, что заработал, и пойти домой или же попытаться продолжить спекулировать еще немного и довести свой заработок до пятидесяти крон? – Он достал монетку в пять крон. – Тебе это, конечно, безразлично, старик, правда? Тогда я обращусь к оракулу эмигрантов – то есть к жребию. Орел – иду домой, решка – продолжаю торговать.

Керн высоко подбросил монету и неудачно подхватил ее – она выкатилась из его ладони и упала на могилу. Керн перелез через стену и осторожно поднял денежку.

– Решка! На твоей могиле, рабби! Значит, и ты советуешь мне торговать! Тогда в путь!

Он направился к ближайшему дому с таким решительным видом, словно собрался штурмовать крепость.

Внизу ему не открыли. Постояв с минуту у двери, он поднялся выше. На втором этаже на звонок вышла хорошенькая горничная. Она взглянула на его сумку, скривила губки и молча захлопнула дверь.

Керн поднялся на третий этаж. После второго звонка появился мужчина в расстегнутом жилете. Едва Керн начал говорить, как тот возмущенно прервал его.

– Туалетная вода? Духи? Какая наглость! Вы что – читать не умеете? Именно мне, генеральному представителю парфюмерного отдела фирмы «Андреаверке», вы осмеливаетесь предлагать свой мусор? Пошел вон!

Мужчина шумно захлопнул дверь. Керн зажег спичку и принялся изучать латунную табличку на двери. И действительно Йозеф Шимек сам занимался оптовой торговлей духами, туалетной водой и мылом.

Керн огорченно вздохнул.

– Рабби Израэль Лёв, – пробормотал он. – Что же все это значит? Неужто мы не поняли друг друга?

Он позвонил на площадке четвертого этажа. Дверь открыла приветливая полная женщина.

– Входите, не стесняйтесь, – добродушно сказала она и окинула его взглядом. – Немец, не так ли? Беженец? Входите! Входите!

Керн последовал за ней на кухню.

– Садитесь, – сказала женщина. – Вероятно, вы порядком устали.

– Не очень.

Впервые в Праге Керну предложили стул. Он воспользовался этим редким случаем и сел. Прости меня, раввин, сказал он про себя, я поторопился с выводами. Прости мне мою молодость, раввин Израэль. Затем развернул свой товар.

Полная хозяйка, расставив ноги и скрестив руки на животе, разглядывала Керна.

– Это духи? – спросила она, показывая на небольшой флакон.

– Да. – Керн, собственно, ожидал, что она заинтересуется мылом. Он поднял флакон, точно драгоценный камень. – Вот знаменитые духи «Фарр»

фирмы Керн. Нечто совершенно особенное! Не какой-нибудь там щёлок, как, например, изделия фирмы «Андреаверке», представляемой господином Шимеком, что живет этажом ниже.

– Вот как...

Керн открыл флакон и дал ей понюхать. Затем вытащил пробку со стеклянной палочкой и провел ею по жирной руке женщины.

– Убедитесь сами...

Она вдохнула аромат и кивнула.

– Как будто неплохие. А у вас только такие маленькие флаконы?

– Вот другой, побольше. Но есть у меня и совсем большой. Посмотрите! Правда, он стоит сорок крон.

– Это не важно. Большой флакон – как раз то, что мне нужно. Оставляю его себе.

Керн не верил своим ушам. Получалось восемнадцать крон чистого заработка.

– Раз вы покупаете большой флакон, даю вам в придачу кусок миндального мыла. Бесплатно! – восторженно объявил он.

Женщина взяла флакон и мыло и ушла в соседнюю комнату. Керн уложил оставшуюся парфюмерию в портфель. Сквозь полуоткрытую дверь проникал аромат вареного мяса. Он решил, что сегодня поужинает на славу. Похлебкой в столовой на Вацлавской площади он еще ни разу не наелся досыта.

Хозяйка вернулась.

– Ну что ж, спасибо и до свидания! – приветливо сказала она. – Вот вам бутерброд на дорогу!

– Благодарю. – Керн встал и вопросительно посмотрел на нее.

– Что вам еще угодно? – спросила она.

– То есть как что? – Керн улыбнулся. – Ведь вы мне еще не заплатили деньги.

– Деньга? Какие еще деньги?

– Сорок крон, – изумленно проговорил Керн.

– Ах вот в чем дело! Антон! – позвала она, обернувшись к двери. – Ну-ка иди сюда. Тут кто-то просит денег!

Из смежной комнаты вышел жующий мужчина в подтяжках. Не переставая жевать, он вытер усы. Керн заметил, что сильно пропотевшая рубашка хозяина заправлена в брюки с кантом, и тотчас же почуял недоброе.

– Деньги? – хрипло спросил мужчина и принялся ковырять в ухе.

– Сорок крон, – ответил Керн. – Но лучше верните мне флакон, если вам это слишком дорого. Мыло можете оставить себе.

– Так, так! – Мужчина подошел ближе. От него несло застарелым потом и свежей вареной свининой. – Пойдем-ка со мной, сынок! – Он распахнул дверь в соседнюю комнату. – Вот! Видел? – он показал на форменный китель, висевший на стуле. – Хочешь, я надену эту штуку и мы пойдем с тобой в полицию?

Керн сделал шаг назад. Ему уже мерещились две недели тюрьмы за запрещенную торговлю.

– У меня есть вид на жительство, – произнес он, стараясь казаться спокойным. – Могу предъявить его вам.

– Лучше покажи разрешение работать, – ответил мужчина и вытаращился на Керна.

– Оно у меня в отеле.

– Можно сходить и в отель. Но не лучше ли считать флакон с духами подарком, как ты думаешь?

– Пусть так. – Керн повернулся к выходу.

– Да возьмите же бутерброд, – сказала женщина с той же приветливой улыбкой.

– Благодарю, он мне не нужен.

Керн открыл дверь.

– Ишь ты какой! Ко всему он еще и неблагодарный!

Керн захлопнул за собой дверь и быстро побежал вниз.

Он не слышал громкого хохота на четвертом этаже.

– Вот так здорово, Антон! – задыхалась женщина. – Видал, как понесся! Точно в штанах у него полно пчел. Еще быстрее, чем старый еврей, который заходил сегодня днем. Тот, наверное, решил, что ты капитан полиции – не меньше, уже видел себя за решеткой!

Антон самодовольно усмехнулся.

– Так уж устроено на свете: люди боятся любой формы! Даже если это всего-навсего форма почтальона. Что ж, тем лучше для нас! Эмигранты неплохо помогают нам, верно? – он облапил грудь жены.

– А духи и впрямь хороши, – она прижалась к нему. – Лучше, чем вежеталь этого старого еврея.

Антон самодовольно подтянул брюки.

– Вот и намажься ими сегодня. Тогда у меня в постели будет графиня. Есть еще мясо в кастрюле?

Керн стоял на тротуаре.

– Рабби Израэль Лёв, – произнес он, глядя на кладбище. У него был довольно жалкий вид. – Здорово же я влип из-за вас! Сорок крон! А если считать мыло, то и все сорок три. Двадцать четыре кроны чистого убытка.

Он вернулся в отель.

– Кто-нибудь спрашивал меня? – спросил он портье.

Тот отрицательно покачал головой.

– Никто.

– Наверняка никто?

– Наверняка. Даже президент Чехословакии и тот не спрашивал.

– Его я и не жду, – сказал Керн.

Он поднялся по лестнице. Странно все-таки, что от отца нет никаких известий. Может, он уехал из города. Или схвачен полицией. Керн решил подождать еще несколько дней, а затем снова наведаться на квартиру к госпоже Эковски.

Войдя в свою комнату, он застал там Рабе – мужчину, кричавшего ночью. Тот раздевался.

– Уже ложитесь? – спросил Керн. – Ведь девяти еще нет.

Рабе кивнул.

– Для меня это самое разумное. Посплю до двенадцати. Именно в полночь у меня все и начинается. В это время они обычно приходили за нами в бункер... А потом часа два сижу у окна, принимаю снотворное и ложусь. Получается довольно неплохо.

Он поставил около своей постели стакан с водой.

– Знаете, что меня больше всего успокаивает, когда ночью я сижу у окна? Читаю самому себе стихи. Старые стихи. Учил их еще в школе.

– Стихи? – удивился Керн.

– Да, совсем простенькие. Вот, например, песенка, которой убаюкивают детей:

Я устал, хочу уснуть,
Лечь в постель, глаза сомкнуть,
Пусть, лелея мой покой,
Бог склонится надо мной.
Если я плохой был днем,
Боже, ты забудь о том,

Иисус страдал за всех
И загладил каждый грех.

В полумраке комнаты Рабе, сидевший в одном белье, казался каким-то усталым и добрым привидением. Медленным, монотонным голосом он произносил слова колыбельной, уставив потухшие глаза в ночь, раскинувшуюся за окном.

– Стихи меня успокаивают, – повторил он и улыбнулся. – Не знаю почему, но успокаивают.

– Возможно, – сказал Керн.

– Это звучит просто дико, но стихи меня действительно успокаивают, и на душе становится легче, как будто я снова дома.

Керну стало не по себе, точно его охватил озноб.

– А я никаких стихов наизусть не помню. Все позабыл. Мне кажется, после моих школьных лет прошла целая вечность.

– И я думал, что забыл стихи. А теперь, представьте, начал припоминать.

Керн вежливо кивнул и поднялся. Ему захотелось выйти из комнаты. Тогда Рабе заснет, и не надо будет больше думать о нем.

– Если бы только знать, чем заполнить вечер! – сказал Керн. – Вечер – вот самое проклятое время! Читать мне уже давно нечего. А торчать внизу и в сотый раз повторять, до чего же, мол, было хорошо в Германии и когда же, наконец, там все изменится, – этого я тоже не хочу.

Рабе сел на кровать.

– Пойдите в кино. Лучший способ убить вечер. Правда, потом не помнишь, что видел, но по крайней мере хоть во время сеанса ни о чем не думаешь.

Он снял носки. Керн задумчиво глядел на него.

– Кино, – проговорил он. Вдруг ему пришло в голову пригласить в кино девушку из соседней комнаты.

– Вы знаете постояльцев нашего отеля? – спросил он.

Рабе положил носки на стул и зашевелил пальцами ног.

– Кое-кого знаю. А вам зачем? – Он разглядывал свои ступни, точно никогда их не видел.

– Вот ту, что живет рядом, знаете?

Рабе подумал.

– Там живет старуха Шимановска. До войны она была знаменитой актрисой.

– Я не ее имел в виду.

– Он имеет в виду Рут Холланд, молодую, хорошенькую девушку, – сказал человек в очках – третий обитатель комнаты. Он стоял уже некоторое время в дверях и слышал весь разговор. Его звали Марилл. В прошлом он был депутатом рейхстага. – Не правда ли, Керн? Сознайтесь, что я прав, донжуан вы этакий!

Керн покраснел.

– Странное дело, – продолжал Марилл. – Самые естественные вещи вгоняют человека в краску, а подлость – никогда. Как торговали сегодня, Керн?

– Полная катастрофа. Потерпел убыток наличными.

– Тогда пойдите куда-нибудь и потратьте еще что-нибудь в придачу. Это лучший способ избавиться от излишних психологических комплексов.

– Так я и намерен поступить, – сказал Керн. – Хочу пойти в кино.

– Bravo! Судя по вашим осторожным расспросам, предполагаю, что вы намерены сделать это в обществе Рут Холланд.

– Не знаю. Ведь я с ней не знаком.

– Ну и что с того? Большинство людей незнакомо вам, но иной раз приходится завязать новое знакомство. Вперед, Керн. Смелость – лучшее украшение молодости.

– Думаете, она пойдет со мной?

– Конечно, пойдет. В этом одно из преимуществ нашей пакостной эмигрантской жизни. Всякий благодарен, когда в промежутке между приступами страха и скуки его чем-нибудь отвлекают. Итак, долой ложный стыд! Вперед на штурм, да чтобы не тряслись поджилки!

– Пойдите в «Риальто», – сказал Рабе, улегшись в постель. – Там показывают фильм про Марокко. Я пришел к выводу: кинокартина о неведомой, далекой стране – лучшее отвлечение от собственных мыслей.

– Марокко – это, знаете ли, всегда приятно, – заметил Марилл. – И молодым девушкам тоже.

Рабе вздохнул и укутался одеялом.

– Иногда хочется заснуть и не просыпаться десять лет.

– И постареть на десять лет? – спросил Марилл.

Рабе недоверчиво взглянул на него.

– Нет, этого не надо, – сказал он. – Ведь тогда мои дети будут уже взрослыми людьми.

Керн постучался в соседнюю дверь. Послышался чей-то невнятный голос. Он открыл дверь и замер: перед ним стояла старуха Шимановска.

У нее было совиное лицо. Вдутые складки кожи, покрытые густым слоем пудры, вызывали представление о заснеженном горном пейзаже. Черные, глубоко засевшие глаза походили на дырки. Она уставилась на Керна так, точно хотела вот-вот вцепиться в него когтями. В руках она держала красную, как киноварь, шаль, из которой торчало несколько вязальных спиц. Вдруг лицо ее перекосилось. Керн решил, что она уж вот-вот бросится на него, но неожиданно по ее лицу скользнуло подобие улыбки.

– Что вам угодно, мой юный друг? – спросила она низким театральным голосом, полным патетики.

– Я хотел бы поговорить с фройляйн Холланд.

Улыбка исчезла, словно ее стерли.

– Ах, вот что!

Шимановска смерила Керна презрительным взглядом, отошла от двери и резко застучала спицами.

Рут Холланд сидела на кровати и читала. Керн заметил, что это та самая кровать, к которой он подошел тогда ночью. Внезапно его обдало теплом.

– Можно мне спросить у вас кое-что? – обратился он к ней.

Девушка встала и вышла с ним в коридор. Шимановска, словно раненая кобылица, шумно вздохнула им вслед.

– Я хотел спросить, не пойдете ли вы со мной в кино, – сказал Керн. – У меня два билета, – соврал он.

Рут Холланд внимательно посмотрела на него.

– Или у вас другие планы? Ведь это вполне возможно...

Она отрицательно покачала головой.

– Нет у меня никаких планов.

– Тогда пойдемте! Чего ради сидеть весь вечер в комнате?

– К этому я уже привыкла.

– Тем хуже. Я провел у вас всего две минуты, но и то обрадовался, что вышел сюда. Еще немного, и она бы меня сожрала.

Девушка рассмеялась. И в этот момент она показалась ему маленькой девочкой.

– Шимановска только выглядит такой страшной. Сердце у нее доброе.

– Может быть, но по ней этого не видать. Сеанс начинается через пятнадцать минут. Пойдемте?

– Хорошо, – сказала Рут, словно решившись на что-то.

Когда они подошли к кино, Керн заторопился.

– Одну минутку, возьму билеты в кассе. Они оставлены для меня.

Он купил два билета, надеясь, что она ничего не заметила. Впрочем, тут же это стало ему совершенно безразлично. Главное заключалось в другом: она пошла с ним и сидела рядом.

В зале погас свет. На экране появилась живописная и залитая солнцем крепость Марракеша. Пустыня сверкала, и в жаркой африканской ночи дрожали монотонные звуки флейт и барабанов...

Рут Холланд откинулась на спинку кресла. Музыка обрушилась на нее, как теплый дождь... теплый, монотонный дождь, из которого всплывало мучительное воспоминание...

Это было в апреле. Она стояла у крепостного рва в Нюрнберге. В темноте перед ней вырисовывалась фигура студента Герберта Биллинга, державшего в руке скомканную газету.

– Понимаешь, о чем я говорю, Рут?

– Да, понимаю, Герберт! Это легко понять.

Биллинг продолжал комкать номер «Штюмера».

– Меня называли в газете еврейским холуем! Человеком, позорящим свою расу? Это полный крах, ты понимаешь?

– Да, Герберт.

– Надо же мне как-нибудь выпутаться. Вся моя карьера поставлена на карту. Это напечатано в газете, которую все читают. Понимаешь?

– Да, Герберт. Мое имя тоже напечатано в газете.

– Совсем другое дело! Тебе-то что? Ведь ты все равно уже не можешь учиться в университете.

– Ты прав, Герберт.

– Значит, конец, да? Мы расстались, и между нами все кончено.

– Все. А теперь прощай.

Она повернулась и пошла.

– погоди... Рут... Послушай... минутку!..

Она остановилась. Герберт подошел к ней. В темноте его лицо было совсем близко, и она слышала его порывистое дыхание.

– Послушай, – сказал он. – Куда ты сейчас пойдешь?

– Домой.

– Тебе же не к спеху... – Его дыхание участилось. – Мы, конечно, договорились обо всем, правда? Так тому и быть! Но ты ведь могла бы... мы могли бы... как раз сегодня вечером у меня никого нет дома, понимаешь?.. Нас никто не увидит... – Он схватил ее за руку. – Зачем нам расставаться именно так... я хочу сказать, так официально... Ведь можно бы еще разок...

– Уйди, – сказала она. – Немедленно уйди!

– Да будь же умницей, Рут. – Он обнял ее.

Рут с минуту всматривалась в красивое лицо, которое любила, которому бездумно доверилась. Затем размахнулась и дала Биллингу пощечину.

– Уйди! – закричала она и слезы брызнули у нее из глаз. – Уйди!

Он пошатнулся и сделал шаг назад.

– Что?! Бить?! Бить меня! И это ты, грязная жидовская свинья, смеешь бить меня?

Он хотел было броситься на нее.

– Уйди! – крикнула она истошным голосом.

Он испуганно оглянулся.

– Заткнись! – прошипел он. – Еще небось хочешь натравить на меня людей? Это доставило бы тебе удовольствие! Как же! Я уйду! Да, да, уйду! Слава Богу, что я избавился от тебя!

«Quand l'amour meurt»⁸, – пел на экране томный женский голос, плывя сквозь шум и дым марокканского кафе. Рут провела рукой по лбу.

Рядом с этим все остальное казалось незначительным. Страхи и тревоги родственников, у которых она жила. Дядя настаивал на скорейшем отъезде, чтобы избежать ареста... Потом пришла анонимка: ей сообщили, что если через три дня она не исчезнет, то ей остригут волосы и как осквернительницу арийской расы повезут на телеге через весь город с позорными надписями на спине и груди... Потом прощание с могилой матери... Дождливое утро у памятника павшим воинам; кто-то стер имя ее отца, убитого во Фландрии в 1916 году. Отец был еврей... Наконец поспешное, одинокое бегство через границу в Прагу... Она захватила с собой несколько драгоценностей, оставшихся от матери...

На экране снова зазвучали флейты и барабаны. Заглушая их, раздался марш Иностранного легиона – отрывистые, возбуждающие звуки горна, взлетающие над ротами воинов без роду и племени, плетущихся по пустыне.

Керн наклонился к Рут.

– Вам это нравится?

– Да...

Он достал из кармана небольшой флакон и подал ей.

– Одеколон, – сказал он шепотом. – Здесь очень жарко. Может быть, это освежит вас.

– Спасибо.

Рут вылила несколько капель на ладонь. Керн не заметил, как на глазах ее внезапно выступили слезы.

– Спасибо, – повторила она.

Штайнер пришел снова в кафе «Алебарда». Он сунул кельнеру пятишиллинговую бумажку и заказал кофе.

– Позвонить? – спросил кельнер.

Штайнер кивнул. В последнее время он с переменным успехом играл несколько раз в других кафе. Теперь у него накопилось около пятисот шиллингов.

Кельнер положил перед ним пачку газет и ушел. Развернув газету, Штайнер принялся было читать, но вскоре отложил ее в сторону; международные события мало интересовали его. Человеку, плывущему под водой, важно одно – вновь вынырнуть на поверхность. А раскраска рыб была ему безразлична.

Кельнер принес кофе и стакан воды.

– Эти господа придут через час.

Он задержался у столика.

– Хорошая погода сегодня, правда? – сказал он немного погодя.

Штайнер кивнул и принялся разглядывать рекламу на стене. Плакат призывал всех пить солодовое пиво и тем самым добиваться долголетия.

Шаркающей походкой кельнер удалился за стойку. Через некоторое время он принес на подносе второй стакан воды.

– Принесите-ка мне лучше вишневой водки, – попросил Штайнер.

– Извольте! Сейчас же принесу!

– Принесите и себе. Выпьем вдвоем.

Кельнер поклонился.

– Благодарю вас, сударь! Сразу видать – вы сочувствуете нашему брату. А это бывает так редко!

– При чем тут сочувствие! – возразил Штайнер.

⁸ Когда умирает любовь (фр.).

Просто мне скучно, вот и все.

– Я знавал людей, которым приходили в голову вещи похуже, ежели их одолевала скука, – заметил кельнер.

Он выпил свою рюмку и принялся почесывать кадык.

– Послушайте, сударь, – доверительно сказал он.

Я знаю, что вас интересует, и, если позволите, дам вам совет. Рекомендую взять мертвого австрийца. Есть, правда, и мертвые румыны, они даже чуть подешевле, но кто же знает румынский язык?

Штайнер пристально посмотрел на него.

Кельнер перестал чесать кадык и начал растирать себе затылок. При этом он скреб ногой по полу, точно собака.

– Лучше всего, конечно, американец или англичанин, – задумчиво продолжал он. – Но у нас, в Австрии, американцы умирают крайне редко. А если это и случается, то в результате автомобильной катастрофы. Попробуй тут взять его паспорт!

– Мне кажется, немецкий паспорт лучше австрийского, – сказал Штайнер. – Его труднее проверить.

– Это верно. Но тогда вам не дадут разрешение работать. Получите вид на жительство и все. А с паспортом умершего австрийца в Австрии вы сможете работать, где только пожелаете.

– Пока не попадусь.

– Да, разумеется! Но кто же попадает в Австрии? Разве лишь тот, кого случайно примут за другого...

Штайнер невольно рассмеялся.

– Иной раз могут принять и за другого. Все-таки это опасно.

– Ну, знаете ли, сударь! – воскликнул кельнер. – Говорят, ковырять в носу тоже опасно.

– Да, но за это не полагаются каторжные работы.

Кельнер осторожно помассировал свой нос, но не стал ковырять в нем.

– Ведь я желаю вам добра, – сказал он. – Насмотрелся я этих дел вдоволь. Знаю, что к чему. Мертвый австриец – это все-таки самое реальное.

Оба торговца паспортами пришли к десяти часам. Один из них, юркий человечек с птичьими глазками, завел разговор. Второй, грузный и расплывшийся, присутствовал при сем и молчал.

Первый достал немецкий паспорт.

– Мы навели справки у своих деловых партнеров. Вы можете получить этот паспорт оформленным на вас. Описание личных данных стирается, вместо них проставляются ваши. Конечно, кроме места рождения. Придется вам согласиться на город Аугсбург, – он указан на печатях. Но это обойдется вам на двести шиллингов дороже. Прецизионная работа, сами понимаете.

– Таких денег у меня нет, – сказал Штайнер. – Да мне и не важно, чтобы в паспорте было мое имя.

– Тогда берите его в таком виде. Заменяем только фотографию. Краешек печати на фотографии сделаем бесплатно.

– Все это ни к чему. Я хочу работать. А с таким паспортом ничего не получится.

Птичьеглазый пожал плечами.

– Тогда остается только австрийский паспорт. С ним вы сможете работать.

– А если поступит запрос в полицейский участок, выдавший этот паспорт?

– Да кто же станет запрашивать? Лишь бы вы ничего не натворили.

– Триста шиллингов, – сказал Штайнер.

Птичьеглазый изумленно отпрянул.

– У нас твердые цены, – заявил он обиженным тоном. – Пятьсот и ни на грош меньше.

Штайнер молчал.

– За немецкий мы бы еще могли что-нибудь уступить. Немецкие паспорта встречаются чаще. Но австрийский паспорт – редкая вещь. Да и зачем, собственно, австрийцу паспорт? На родине он ему не нужен. За границу мы почти не ездим. Особенно при таких валютных ограничениях! Пятьсот шиллингов – это все равно что даром отдать.

– Триста пятьдесят.

Собеседник Штайнера начал горячиться.

– Да я же сам заплатил триста пятьдесят скорбящей семье покойного! Вы и не представляете себе, каких мне это стоило трудов! А накладные расходы! Люди очень дорожат подобными реликвиями, и они обходятся недешево! Только засыпали свежую могилку, а ты тут как тут, дескать, подавай документ! Приходится выкладывать на стол полновесную монету! Только наличные осушают слезы и умеряют скорбь! Ладно, четыреста пятьдесят, хоть это и против наших интересов. Просто вы нам симпатичны.

Сошлись на четырехстах. Штайнер достал из кармана фотографию – днем он снялся в автомате за один шиллинг. Взяв ее, они ушли. Через час принесли паспорт. Штайнер расплатился и спрятал его.

– Желаю счастья! – сказал птичьеглазый. – И вот еще что: когда срок годности паспорта истечет, мы сможем его продлить. Смоем дату и напишем другую. Очень просто. Единственная трудность – визы. Чем позже они вам понадобятся, тем лучше. Тем чаще можно будет продлевать...

– А почему бы не сделать это уже сейчас? – спросил Штайнер. Птичьеглазый отрицательно покачал головой.

– Так вам спокойнее. У вас на руках настоящий паспорт. Вы могли его найти. Замена фотографии не такое большое преступление, как подделка официальных записей. У вас еще целый год впереди, а за год многое может случиться.

– Будем надеяться на лучшее.

– И ни слова никому, не так ли? Это в наших общих интересах. Разве что порекомендуете нас солидному человеку. Как нас разыскать, вы знаете. А теперь спокойной ночи!

– Спокойной ночи!

– «Strzec miecze»⁹, – произнес молчальник.

– Он не говорит по-немецки, – ухмыльнулся пер вый, перехватив удивленный взгляд Штайнера.

– Но зато как подделывает печати! Какая рука! Какая подлинность! Серьезный специалист!

Штайнер пошел на вокзал и сдал рюкзак на хранение. Накануне он выехал из пансиона. Ночь провел на скамье в парке. Утром сбрил усы в вокзальном туалете, а затем сфотографировался. Он испытывал какое-то яростное удовлетворение: теперь он рабочий! Иоганн Губер из Граца.

По дороге он остановился у телефонной будки. Надо было уладить одно дельце, относившееся ко времени, когда он еще был Штайнером. Войдя в будку, он принялся листать книгу абонентов.

– Леопольд Шефер, – бормотал он. – Траутенаугассе, 27.

Это имя врезалось ему в память.

Найдя нужный номер, он позвонил. В трубке послышался женский голос.

– Унтер-офицер Шефер дома? – спросил он.

– Да, сейчас я его позову.

⁹ Держать порох сухим (польск.).

– Не нужно, – быстро проговорил Штайнер. – С вами говорят из дирекции на Элизабет-променаде. В двенадцать часов будет облава. Шеферу явиться сюда без четверти двенадцать. Вы поняли меня?

– Да. Без четверти двенадцать.

– Хорошо. – Штайнер повесил трубку.

Траутенаугассе – узкая, тихая улочка с неприглядными домами, где обитают мелкие буржуа. Штайнер внимательно осмотрел дом под номером 27, и, хотя этот дом ничем не отличался от остальных, ему он показался особенно омерзительным. Затем отошел немного назад и притаился.

Выйдя из парадного, Шефер торопливо и важно застучал башмаками по тротуару. Штайнер двинулся ему навстречу с таким расчетом, чтобы они встретились в темном месте. Здесь он задел его резким рывком плеча.

Шефер покачнулся.

– Вы что, нализались? – заорал он. – Разве вы не видите, что перед вами официальное лицо при исполнении...

– Нет, – возразил Штайнер. – Вижу только жалкого выблядка! Выблядка, понимаешь?

На мгновение Шефер онемел.

– Послушайте, – тихо сказал он. – Вы, видать, сумасшедший! Это вам так не пройдет! А ну-ка живо пошли на участок!

Он попытался достать револьвер. Штайнер ударил его ногой по руке, молниеносно подскочил на шаг вперед и сделал то, что всего оскорбительнее для мужчины: плоской ладонью наотмашь ударил Шефера по лицу, сначала справа, потом слева.

Полицейский захрипел и бросился на него. Штайнер увернулся и, развернувшись, ударил Шефера левым свингом в нос, из которого сразу пошла кровь.

– Выблядок! – глухо выдавил он из себя. – Жалкий засранец! Падаль трусливая!

Коротким прямым ударом он рассек ему губу, почувствовав под кулаком хруст зубов. Шефер едва удержался на ногах и вдруг завопил высоким бабьим голосом:

– На помощь!

– Заткнись! – буркнул Штайнер, навесив ему резкий правый хук, и тут же четким ударом левой двинул его прямо в солнечное сплетение. Шефер что-то проквалкал и, точно столб, рухнул на тротуар.

В нескольких окнах зажегся свет.

– Что там еще? – громко спросил кто-то.

– Ничего, – ответил Штайнер из темноты. – Просто пьяный!

– Черт бы их побрал, всех этих забулдыг! – злобно произнес тот же голос. – Отведите его в полицию!

– Именно туда он и должен попасть!

– Только сначала набейте ему как следует пьяную харю!

Окно хлопнулось. Штайнер усмехнулся и исчез за ближайшим углом. Он был уверен, что в темноте Шефер не узнал его измененное лицо. Он прошел несколько кварталов и очутился в оживленном районе. Здесь он замедлил шаг.

Все получилось великолепно и все-таки противно до тошноты, подумал он. Тоже мне, отомстил! Жалкая, смехотворная месть! Но все же она хоть как-то уравнивает годы нескончаемого бегства и унижений! Что ж, какой случай подвернется, тем и пользуешься! Он остановился под фонарем и достал свой паспорт. Иоганн Губер! Рабочий! Ты умер и гниешь где-то в земле города Граца, но твой паспорт как бы жив, и власти признают его.

Я, Йозеф Штайнер, жив; но в глазах властей без паспорта я мертв. Он рассмеялся. Считай, мы поменялись с тобой, Иоганн Губер! Ты отдал мне свою «документированную жизнь»,

а себе взял мою смерть, не подтвержденную документом! Уж коли живые не помогают нам, пусть это делают мертвые!

VI

Придя в воскресенье вечером в отель, Керн застал в своей комнате крайне встревоженного Марилла.

– Наконец хоть кто-то пришел! – воскликнул он. – Чертова лавочка! Именно сегодня здесь не найти ни одной сволочи! Все разбежались! У всех дела! Даже у хозяина, будь он проклят!

– А в чем дело? – спросил Керн.

– Не знаете ли вы адрес какой-нибудь акушерки? Или врача... Врача-гинеколога, например...

– Не знаю.

– Ну конечно, нет! – Сощурившись, Марилл посмотрел на него в упор. – Послушайте, Керн, ведь вы как будто разумный человек. Пойдемте-ка со мной. Кто-то должен побыть около этой женщины. Тогда я пойду и разыщу акушерку. Сможете?

– Что?

– Следить, чтобы она поменьше двигалась! Говорить с ней, вообще – делать что-нибудь!

Он потащил за собой Керна, так и не понявшего, что произошло. Они прошли по коридору и спустились на нижний этаж. Марилл открыл дверь небольшой комнаты, где не было почти ничего, кроме кровати, на которой лежала стонущая женщина.

– Седьмой месяц! Преждевременные роды или что-то в этом духе. Успокойте ее, если сумеете! А я побегу за врачом. – Он вышел, не дав Керну опомниться.

Женщина продолжала стонать. Керн приблизился к ней на цыпочках.

– Вам что-нибудь нужно?

Стоны не прекращались. Ее волосы блекло-золотистого оттенка слиплись от пота. На сером лице выделялись неестественно темные крупные веснушки. Глаза закатились. Сквозь полуприкрытые веки едва виднелись зрачки. Больная оскалила плотно сжатые зубы. В полумраке они светились яркой белизной.

– Вам что-нибудь нужно? – повторил Керн.

Он огляделся. На спинке стула висел легкий дешевый пыльник. У кровати валялась пара стоптанных туфель. Женщина лежала одетой, видимо, упала на постель неожиданно. На столике стояла бутылка с водой, а около умывальника – чемодан.

Женщина стонала и металась. Керн не знал, что предпринять. Он вспомнил наказ Марилла, вспомнил то немного, что усвоил за год обучения на медицинском факультете, и попытался удержать ее за плечи. С тем же успехом он мог бы удержать змею. Больная то и дело высвободалась и как бы ускользала. Внезапно, резко вскинув руки, она изо всех сил вцепилась в него пальцами.

Керн стоял, словно прикованный. Он не поверил бы, что в ней таится такая огромная сила. Голова ее, словно посаженная на винт, медленно вращалась. Она страшно стонала, дыхание ее будто вырывалось откуда-то из-под земли...

Вдруг ее тело дернулось, одеяло сдвинулось и Керн увидел черно-красное пятно, широко расплывшееся по простыне. Он попытался высвободить руки, но женщина держала его железной хваткой. Он не мог оторвать глаз от пятна, разросшегося в широкую полосу. Полоса дошла до края простыни, и от падающих капель на полу образовалась черная лужа.

– Отпустите! Отпустите меня! – Керн не решался шевельнуть руками – это неизбежно вызвало бы новые конвульсии. – Отпустите! – цедил он сквозь зубы.

Отпустите!

Внезапно больная обессилела. Она отпустила его и откинулась на подушку. Керн взял край одеяла и немного приподнял его. Кровь лилась струей. Сорвавшись с места, он побежал в комнату Рут Холланд.

Он застал ее сидящей на кровати среди раскрытых книг.

– Идемте скорее! – взволнованно сказал Керн. – Тут одна женщина истекает кровью!

Они побежали вниз. В комнате стало еще темнее. Сумрачные отсветы заката, пламеневшего в окне, падали на пол и на умывальник. Бутылка с водой сверкала, словно алмаз. Теперь женщина лежала совсем тихо. Казалось, она перестала дышать.

Рут приподняла одеяло. Больная плавала в крови.

– Включите свет, – приказала девушка.

Керн подошел к выключателю. Мутный свет слабой лампочки смешался с лучами заката. Желтовато-красный туман и женщина на постели. Казалось, она вся состоит из бесформенного живота и смятого окровавленного платья, из-под которого торчат странно вывернутые немощные ноги в черных чулках, спустившихся ниже колен.

– Дайте полотенце! Надо остановить кровотечение! Может, найдете здесь что-нибудь.

Рут закатала рукава блузки и попыталась снять с больной одежду. Керн подал ей полотенце, висевшее на умывальнике.

– Сейчас должен прийти врач. Марилл пошел за ним.

В поисках перевязочного материала он открыл чемодан.

– Дайте мне все, что найдете, – сказала Рут.

На дне чемодана оказалась целая куча приданого для младенца – распашонки, пеленки, чистые тряпки и несколько кофточек, связанных из розовой и голубой шерсти и украшенных шелковыми брандебурами. Одна еще не была готова – из нее торчали вязальные спицы. Клубок мягкой голубой шерсти выпал из чемодана и бесшумно покатился по полу.

– Давайте же сюда! – Рут отбросила окровавленное полотенце. Керн подал ей пеленки и тряпки. Затем услышал шаги на лестнице. Тут же запахнулась дверь, и в комнату вошли Марилл и врач.

– Господи, да что же здесь творится!

Врач подошел к кровати, отстранил Рут и склонился над больной. Осмотрев ее, он обратился к Мариллу:

– Немедленно соединитесь с номером 2167. Пусть Браун сейчас же приедет сюда и привезет все для наркоза. Предстоит операция по Бракстону – Хиксу¹⁰. Вы поняли? Кроме того, пусть захватит все, что нужно при кровотечении.

– Хорошо.

Врач огляделся.

– Можете идти, – сказал он Керну. – А фройляйн останется со мной. Принесите воды! Подайте мне мою сумку!

Через десять минут прибыл второй врач. Усилиями Керна и нескольких других постояльцев, пришедших тем временем, соседняя комната была превращена в подобие операционной. Кровати оттащили к стенам, сдвинули столы, подготовили инструменты. Хозяин принес самые яркие лампы, какие у него нашлись, и ввинтил их в люстру.

– Быстрее, быстрее!

Первый врач буквально неистовствовал от нетерпения. Он натянул на себя халат и попросил Рут застегнуть его сзади.

– Наденьте и вы! – Он бросил ей другой халат. – Возможно, вы нам понадобится. Крови не боитесь? В обморок не упадете?

– Нет, – сказала Рут.

¹⁰ Акушерская операция при неправильном положении плода. – *Примеч. пер.*

– Хорошо! Молодец!

– Может, я тоже смогу чем-нибудь помочь? – спросил Керн. – Я сдал экзамены за два семестра медицинского факультета.

– Пока не надо. – Врач осмотрел инструменты. – Начнем?

Свет ламп отражался в его лысине. Дверь сняли с петель. Четверо мужчин внесли кровать с больной, издававшей едва слышные стоны. Глаза ее были широко раскрыты. Обескровленные губы дрожали.

– Взяли! – скомандовал врач. – Поднимайте! Да осторожно же, черт возьми!

Женщина оказалась довольно грузной. У Керна выступили капли пота на лбу. Рут встретила с ним взглядом. Бледная, но спокойная, она так изменилась в лице, что он едва узнал ее. Она словно слилась с женщиной, истекавшей кровью.

– Так! Все, кому здесь нечего делать, – вон отсюда! – рявкнул лысый врач. Он взял женщину за руку. – Больно не будет. Это пустяки. – Вдруг голос его стал нежным, словно голос матери.

– Ребенок должен жить, – прошептала женщина.

– Оба, оба будете жить, – мягко ответил ей врач.

– Ребенок...

– Мы его только слегка повернем и выведем из плечевого предлежания. Тогда он вылетит, как пуля. Только не волнуйтесь. Полное спокойствие! Наркоз!

Керн, Марилл и несколько других жильцов стояли в опустевшей комнате роженицы. Каждую минуту они могли снова понадобиться. Через стену доносилось приглушенное бормотание врачей. На полу валялись розовые и голубые шерстяные кофточки.

– Рождение! – сказал Марилл Керну. – Вот как бывает, когда появляешься на свет божий! Кровь, кровь и крики! Понимаете, Керн?

– Понимаю.

– Нет, – сказал Марилл. – Ни вы, ни я этого не понимаем! Понять это может женщина, только женщина!... Вы не чувствуете себя свиньей?

– Нет, не чувствую, – ответил Керн.

– Вот как? А у меня, представьте, именно такое чувство! – Марилл протер очки и внимательно посмотрел на него. – Вы уже спали когда-нибудь с женщиной? Нет? То-то! Иначе и вы бы чувствовали себя свиньей. Нельзя ли нам выпить по рюмке водки?

Кельнер, стоявший в дверях, подошел к Мариллу.

– Принесите полбутылки коньяку, – сказал тот. Да, да, деньги у меня есть! Принесите поскорее!

Кельнер исчез. За ним ушел хозяин и еще какие-то две фигуры.

– Сядем у окна, – сказал Марилл. Он показал на закат. – Красиво, а?

Керн кивнул.

– Да, – сказал Марилл, – и все это рядом. Одно рядом с другим... Что там растет в саду? Сирень?

– Да.

– Сирень и эфир. Кровь и коньяк. Ладно, выпьем!

– Я принес четыре рюмки, господин Марилл, – сказал кельнер и поставил поднос на столик. – Думал, что, может быть... – он кивнул в сторону соседней комнаты.

– Хорошо.

Марилл налил две рюмки до полна.

– Вы пьете, Керн?

– Мало.

– Воздержанность – вот уж чисто еврейский порок! Зато евреи больше нас понимают в женщинах. Но с другой стороны, женщины совсем не хотят быть понятными. Ваше здоровье!

– Ваше здоровье!

Керн выпил рюмку до дна и почувствовал себя лучше.

– Это что же – преждевременные роды? – спросил он. – Или что-то посерьезнее?

– Преждевременные роды. На месяц раньше срока. Оттого, что извелась. Поездки, пересадки, волнения, беготня и все такое, понимаете? Беременной женщине все это не положено.

– Зачем же она так?..

Марилл снова налил рюмки.

– Зачем? – переспросил он. – Потому что хотела родить чешского гражданина. Потому что не хотела, чтобы ее ребенку уже в школе плевали в лицо и обзывали «грязным жидом».

– Понимаю, – сказал Керн. – А разве ее муж тоже не выбрался вместе с ней оттуда?

– Мужа бросили в застенки еще несколько лет назад. Почему? Потому что у него был магазин и он работал усерднее и лучше, чем конкурент на ближайшем углу. Что же делает конкурент? Идет куда надо и доносит, тот, мол, ругает правительство или, скажем, исповедует коммунистические идеи, – все равно что. Вот мужа и сцапали, а доносчик заполучил всю его клиентуру. Понятно?

– Это мне знакомо, – ответил Керн.

Марилл выпил свою рюмку.

– Жестокий век! Мир укрепляется пушками и бомбардировщиками. Человечность – концентрационными лагерями и погромами. Мы живем в эпоху, когда все перевернуто с ног на голову. Нынче агрессор – покровитель мира, а избитый и затравленный – возмутитель общественного порядка. И подумать только – целые народы верят этому!

Полчаса спустя из соседней комнаты донесся слабый, жалобный писк.

– Вот здорово! – сказал Марилл. – Значит, все-таки удалось! Теперь на земле стало одним чехом больше! За это надо выпить! Давайте, Керн! За величайшее таинство в мире! За рождение! А знаете, почему оно – таинство? Потому что потом людям все-таки приходится умирать. Будьте здоровы!

Дверь отворилась. Вошел второй врач, потный и перепачканный кровью. На руках у него было нечто писклявое и красное, как вареный рак. Это нечто заливалось криком.

– Жив! – буркнул он, похлопывая младенца по спинке. – Есть здесь что-нибудь... – он схватил кипу тряпок. – На худой конец сойдет и это... Фройляйн!

Он передал Рут ребенка и тряпки.

– Выкупать и запеленать... не слишком туго... хозяйка знает, как надо... только чтоб не дышал эфиром, оставьте его в ванной...

Рут взяла ребенка на руки, и Керну вдруг показалось, будто ее глаза увеличились вдвое. Врач подсел к столу.

– А у вас, оказывается, коньяк!

Марилл налил ему рюмку.

– А каково на душе у врача, – сказал Марилл, когда он видит, что изо дня в день появляются все новые бомбардировщики и пушки, но не больницы? Ведь первые только для того и делают, чтобы заполнялись вторые.

Врач внимательно посмотрел на Марилла.

– Все это, конечно, дерьмо! Самое настоящее дерьмо! Ведь интересно получается: мы их с величайшим искусством латаем да сшиваем, и все лишь для того, чтобы их снова и снова самым варварским образом разрывали на куски. Уж, кажется, лучше бы убивать детей сразу после рождения! Куда проще!..

– Дорогой мой, – возразил ему бывший депутат рейхстага. – Умертвлять детей – это убийство. А убивать взрослых – вопрос национальной чести!

– В следующей войне погибнет немало женщин и детей, – тихо сказал врач. – Вот, например, холеру мы искореняем. Но ведь в сравнении с войной, пусть даже самой небольшой, холера – совсем безобидное заболевание.

– Браун! – крикнул коллега врача из соседней комнаты. – Скорее!

– Иду!

– Проклятие! Похоже, не так уж все благополучно.

Через некоторое время Браун вернулся.

– Разрыв шейки матки, – сказал он. – Ничего нельзя сделать. Она истечет кровью.

– Ничего нельзя сделать?

– Ничего. Мы испробовали все. Кровь не останавливается.

– А переливание крови? – спросила Рут, стоявшая в дверях. – Можете взять кровь у меня.

– Ничего это не даст, деточка. Ведь кровь не остановить...

Он пошел обратно, оставив дверь открытой. Световой прямоугольник казался каким-то призрачным. Все трое молчали. Появился кельнер.

– Прикажете убрать?

– Не надо.

– Хотите немного выпить? – обратился Марилл к Рут.

– Нет, благодарю.

– Все-таки выпейте глоток. Вам станет лучше.

Он налил ей полрюмки.

Стемнело. Только на горизонте, где-то далеко над крышами, все еще мерцали последние зеленоватые и оранжевые отблески. Среди них плыла бледная луна, разъеденная, словно старая латунная монета. С улицы доносились голоса, громкие, радостные и беспечные. Вдруг Керн вспомнил Штайнера и сказанные им слова: «Когда рядом кто-то умирает, ты этого не чувствуешь». Вот в чем все горе жизни! Сострадание еще не боль. Сострадание – скрытое злорадство. Оно как вздох облегчения: ведь мучаешься-то не ты и не тот, кого ты любишь. Он посмотрел на Рут, но не мог разглядеть ее лица в темноте.

– Это что такое? – вдруг насторожился Марилл.

В наступающей ночи долгим и полным звуком запела скрипка. Звук заглох, затем опять возник и словно взлетел ввысь, победный и вызывающий. Потом заструились пассажи, тихие и нежные, и, наконец, от скрипки отделилась мелодия, простая и печальная, как этот вечер, затонувший в небытии.

– Играют где-то здесь, в отеле, – сказал Марилл и выглянул из окна. – Над нами, на четвертом этаже.

– Кажется, я знаю его, – сказал Керн. – Это профессиональный скрипач. Однажды я уже слушал его. Не знал, что он тоже живет здесь.

– Это не просто скрипач. Это гораздо больше.

– А не подняться ли мне и попросить его перестать? – Керн направился было к двери.

– Зачем же? – остановил его Марилл. – Не надо! Стоит ли? Погрустить можно всегда. А смерть?.. Что ж, она везде. Все связано воедино.

Они сидели и слушали. Так прошло много времени. Потом из соседней комнаты вернулся Браун.

– Кончено! – сказал он. – Exitus¹¹. Она не очень страдала. Мы успели ей сообщить, что ребенок родился живым.

Все трое встали.

– Теперь можно снова перенести ее сюда, – сказал Браун. – Ведь соседняя комната занята.

¹¹ Летальный исход (лат.).

Женщина лежала среди хаоса окровавленных тряпок, тампонов, мисок и ведер, полных крови и ваты. На белом и внезапно осунувшемся лице лежал отпечаток строгости и отчужденности. Ее все это больше не касалось. Врач с лысиной, хлопотавший вокруг покойной, рядом с ней казался почти неприличным: здесь – жизнь, с ее жратвой, питьем, жеванием, отправлениями, там – покой завершенности бытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.